

Китай: от буржуазной революции к революции пролетарской

Введение

Огромная роль, которую предстоит сыграть Китаю в 21 веке, не подлежит сомнениям.

Но в чем будет заключаться эта роль?

В том ли, что Китаю предстоит показать миру пример «социализма», основанного на частной собственности и эксплуатации пролетариата, «социализма», где бесправие и нищета низов является источником наживы и процветания верхов, «социализма», строимого и руководимого Капиталистической Партией Китая?

Или в том, что Китай, в результате бурного и бесконфликтного экономического роста сможет стать второй империалистической сверхдержавой и бросить вызов США?

Или же в том, что в Китае зреют неслыханные перемены и невиданные мятежи, что бурное экономическое развитие – **развитие капитализма в Китае** – далекое от того, чтобы быть бесконфликтным, добавляет к старым социальным противоречиям новые и создает все более острые **классовые конфликты** – и что в силу этого мировая пролетарская коллективистская революция, ставшая возможной только теперь, в результате развития капитализма и его производительных сил, может начать свой марш с восстания китайских пролетариев?

Понять загадку китайского будущего невозможно без исследования истории Китая – реальной грубой истории борьбы классов, движимых своими материальными интересами. Такое исследование, как и исследование истории всех человеческих обществ, возможно лишь с помощью метода исторического материализма – метода, правильность которого, в свою очередь, доказывается его конкретным применением. Исторический материализм – не прокрустово ложе, на которое нужно натягивать историю людских обществ, но зонд, позволяющий проникнуть в глубинные структуры этих обществ. Он не заменит конкретных исследований, как и любой рабочий инструмент сам по себе не заменит использование данного инструмента, но какой же труд со времен наших предков – питекантропов возможен без инструментов?

Поскольку и мнимые сторонники, и реальные враги марксизма нагромодили вокруг него груды лжи и нелепицы, то, прежде чем перейти к собственно истории Китая, следует напомнить несколько азбучных положений исторического материализма.

Одно из них заключается в том, что следует не судить о реальной, материальной, грубо – физической жизни, деятельности и борьбе людей по тем идеологическим формам, в которых они осознают свою жизнь, деятельность и борьбу, но, напротив, из их материальной, грубо – физической жизни и деятельности объяснять все идеологические формы. Исследователь не верит эпохам и классам (хотя обычно чужим эпохам и чужим классам!), как следователь не верит подозреваемым. Утверждения правителей Китая, а равным образом их конкурентов, о господстве в Китае «коммунизма», могут быть принимаемы на веру ничуть не больше, чем утверждения этих конкурентов о

господстве в их собственных странах «демократии». За идеологическими ширмами нужно различать реальные классовые силы.

Идеологическими этикетками люди могут обманывать не только других, но и самих себя. Второе происходит даже гораздо чаще. И если современные правители Китая, приклеивая этикетку «социалистические» к рынку, конкуренции и акционерным обществам, могут верить в это ничуть не больше, чем «верил» в социализм Ельцин в 1989г., то герои и мученики ранней КПК искренне заблуждались, когда полагали, что борются за революцию «народную» или даже пролетарскую, тогда как на деле они боролись за революцию буржуазную. Молодой Маркс писал о восставших в 1834г. лионских ткачах, что они были солдатами социализма, хотя думали о себе только как о солдатах республики, иными словами, борясь за революцию пролетарскую, думали, что борются за революцию буржуазную. С китайским «коммунистическим» движением дело обстояло как раз наоборот, и мнимые солдаты социализма были лишь солдатами республики и демократии, борцами за буржуазную революцию – единственно возможную и необходимую в Китае первой половины 20 века.

Краснознаменные капиталистические режимы прошлого и краснознаменные капиталистические идеологи настоящего, понимавшие и понимающие под социализмом огосударствление и подачки господ рабам, придут в ужас от реального содержания коммунизма, как оно было открыто Марксом и Энгельсом:

«Если коммунизм хочет уничтожить как «заботу» бюргера, так и нужду пролетария, он ведь не сможет, само собой разумеется, сделать это, не уничтожив причину той или другой, т.е. не уничтожив «труд»». (19, с. 207).
Слышите, поклонники лозунга «труд в СССР – дело чести, доблести и геройства»: **нужду пролетария невозможно уничтожить, не уничтожив труд** – и это для Маркса и Энгельса даже **само собой разумеется!**

И это у них не случайная оговорка:

«...коммунистическая революция выступает против прежнего *характера* деятельности, *устраняет труд*». (19, с.70).

«Труд *уже* стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» (19, с. 70).

«...разделение труда делает возможным – более того – действительным – что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; добиться того, чтобы они не вступали друг с другом в противоречие, *возможно только путем устранения разделения труда*» (19, сс. 30-31).

Когда же, при каких условиях становится возможной *коммунистическая* (а не буржуазная) *революция*, революция, которая уничтожит и разделение труда, и сам труд?

Позиция Маркса и Энгельса на этот счет совершенно недвусмысленна:

«Это *отчуждение*», говоря понятным для философа языком, может быть уничтожено, конечно, только при наличии двух практических предпосылок. Чтобы стать «невыносимой силой», т.е. силой, против которой совершают революцию, необходимо, чтобы это отчуждение превратило большинство человечества в совершенно «лишенных собственности» людей, противостоящих в то же время существующему миру богатства и образования, а оба эти условия предполагают *огромный рост производительной силы, высокую степень ее*

развития [Слышите! Речь идет не о пролетаризации большинства населения какой – либо страны, но о пролетаризации большинства человечества! – М.И.]. С другой стороны, это развитие производительных сил... является абсолютно необходимой предпосылкой еще и потому, что без него имеет место всеобщее распределение *бедности*; а при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы, и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость. Это развитие является, далее, необходимой предпосылкой потому, что лишь с универсальным развитием производительных сил устанавливается *универсальное* общение людей, благодаря чему, с одной стороны, фактическое существование “лишенной собственности” массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция) – каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, -и, наконец, местно – ограниченные индивиды сменяются индивидами *всемирно – историческими*, эмпирически универсальными... *Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с этим мирового общения.*” (19, сс. 33 – 34). Слышите, сторонники “социализма в одной стране” и “некапиталистического пути развития”! **Коммунизм возможен лишь как произведенное сразу, одновременно действие господствующих народов!**

Позицию Маркса и Энгельса можно суммировать следующим образом: коммунистическая революция, упраздняющая *разделение труда и частную собственность* (“это – тождественные выражения; в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом случае – по отношению к продукту деятельности” (19, с.31)), происходит лишь при “огромном росте производительной силы, высокой степени ее развития”, делающим возможным уничтожить как разделение труда, так и “бедность” и “крайнюю нужду”. Эта производительная сила может быть только всемирной, коммунистическая революция невозможна до тех пор, пока местно – ограниченные условия не сменились всемирно – историческими.

Поэтому подлинно коммунистическая революция была невозможна, пока капитализм к концу 20 века не создал автоматизированные и компьютеризированные производительные силы, позволяющие уничтожить разделение труда, и пока он не объединил под своей властью – тоже к концу 20 века – весь мир, не переработал по своему образу и подобию весь земной шар. Таков вывод, сделанный ГПРК в полном соответствии с марксизмом.

Объективная невозможность – до конца 20 века – подлинно коммунистической революции не могла быть преодолена ни благочестивыми пожеланиями, ни самоотверженными усилиями. Все происходившие до сих пор революции, не исключая и самую великую из них, Октябрьскую революцию, по своему объективному экономическому содержанию были буржуазными революциями – и не могли быть иными. Они не привели и не могли привести к победе социализма. Но, расчищая почву для бурного развития капитализма, они тем самым создавали условия для грядущей всемирной коммунистической революции.

Век социалистических революций не в прошлом, а в будущем. Маркс и Энгельс не остались навсегда в 19веке, но, напротив, слишком опередили его, и их время только приближается.

Лишь при таком подходе, основывающемся не на сентиментальном принятии на веру иллюзий каждой эпохи о себе самой, но на строгом научном анализе,

можно понять как историю 20 века вообще, так и историю Китая в 20 веке. Все становится по своим местам, и “великие люди”, герои и злодеи, предстают теми, кем они и являются – несчастными, хотя и необходимыми орудиями объективных социальных сил, борьба которых и именуется историческим процессом...

* * *

Целью данной работы является анализ буржуазной трансформации Китая, составляющей подлинный смысл китайской истории 20 века. Она не дает всестороннюю историю этого периода, и, подробно рассматривая одни темы, оставляет без внимания другие. Недоступность для автора источников по такой чрезвычайно интересной теме, как подлинный характер классовой борьбы в период “культурной революции” привела к тому, что этой теме было уделено лишь несколько фраз.

Работа состоит из двух частей. Первая из них в основном посвящена истории китайского революционного движения и революции 1925 – 1927 гг., вторая – современному состоянию капитализма в Китае. Кульминация китайской буржуазной революции, ее яacobинская диктатура – маоизм у власти, практически оставлена без внимания из – за недоступности литературы.

Из марксистских работ по данной теме следует выделить “Трагедию китайской революции” Г. Исаакса (ее прекрасный русский перевод см. на www.left-dis.nl/) и великолепную статью Интернациональной Коммунистической Партии “Китай – буржуазная революция завершена, пролетарскую революцию предстоит совершить” (см. “Что такое Интернациональная коммунистическая партия?”, вып. 2). Именно традиция Итальянской Коммунистической Лево́й, - лучшей, наиболее последовательной пролетарски – революционной, из организаций, причисляющих себя к которой, и является, пожалуй, ИКП “Le Proletaire” – дала правильный марксистский анализ китайской революции, анализ, с которым солидарен автор данной статьи.

Работа Г. Исаакса, написанная с неоспоримым блеском и мастерством, как и подобает троцкизму, объясняющему поражение революций 20 века вторичной причиной этих поражений – предательством социал – демократии и сталинизма, сводит причины неудачи революции 1925 – 1927 гг. к неправильной политике сталинистского руководства Коминтерна. Без внимания остается, следовательно, вопрос: Чего стоила партия – Коммунистическая Партия Китая – позволившая навязать себе такую политику? Чем была она на самом деле? И каков был уровень развития пролетариата в 1920-е годы, и реальный, а не мифологизированный характер китайского рабочего движения в это время?

Троцкий, исходя из ошибочной стратегии “перманентной революции” вместо революционно – демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, т.е. надеясь, что китайская буржуазная революция может перерасти в социалистическую, отстаивал – и в этом его неизгладимая заслуга – абсолютно правильную политику пролетариата в этой революции, политику классовой самостоятельности пролетариата и его разрыва с буржуазией (То, что неправильная теория может повести иногда к необходимому и прогрессивному революционному действию, а правильная теория – к пассивному созерцанию, доказывает ошибочность просветительства). Находясь в Москве, а не в Шанхае или Кантоне, он, естественным образом, видел главную угрозу для победы китайской революции в оппортунистической политике московской бюрократии, о которой он знал куда больше, чем о природе КПК – хотя все же не понимал,

что уже в 1920-е гг. политика московской бюрократии была не серией коммунистических ошибок, а политикой обыкновенного буржуазного – хотя еще революционного буржуазного – государства. Внутренние силы китайской революции меньше попадали в поле его зрения – и ответа на вышеприведенные вопросы о природе КПК и китайского рабочего движения в 1920-е годы мы у него не найдем.

Бесспорно, что предлагаемые в 1927г. Троцким, Зиновьевым и их товарищами меры, *если бы* их приняла КПК, которая *смогла бы* повести за собой по данному пути пролетариат и крестьянство и разгромить силы феодально – буржуазной реакции, эти меры *привели бы* пролетариат к захвату власти, после чего вся всемирная история *сложилась бы* по – иному. Но задача историка – марксиста в том, чтобы объяснить, почему почему ни одной из этих “бы” не могло быть. Если бы в Германии 1525г. существовала бы настоящая коммунистическая партия, то Великая крестьянская война могла бы стать началом всемирного коммунистического переворота. Беда только в том, что “настоящая коммунистическая партия” не могла существовать в Германии 1525г.!

Революционер, сражающийся в битвах настоящего, и революционный историк, для кого эти битвы стали давним прошлым, неизбежно видят вещи в разной перспективе, даже если они борются за дело одного класса. Революционно – пролетарский историк, разделяя с предшествовавшими ему борцами за освобождение своего класса их коммунистическую страсть, не должен разделять их иллюзий. “Хорош” был бы революционер – коммунист, который во Франции 1794 – 1796гг. не боролся бы всеми силами с наступающей буржуазной реакцией, говоря, что победа этой реакции все равно неизбежна. Но не лучше был бы и марксистский историк, который стал бы объяснять победу этой реакции коварством и интригами ее вождей.

Пролетариат – класс – мученик, как в прошлом, так и в настоящем. История пролетарской борьбы – это история поражений. Пролетарский историк, если хочет быть полезным своему классу, должен соединять *солидарность с содержанием* борьбы пролетариата на всех ее этапах, начиная с первой, за 500 лет до Парижской Коммуны, попыткой пролетарской диктатуры – кратковременной властью рабочих – чомпи (чесальщиков шерсти) во Флоренции в 1378г., и *беспощадную критичность* к ее прежним, устаревшим и потерпевшим поражение *формам*. Критичность означает не предвзятое отрицание, столь же вредное, как и предвзятое восхваление, но не знающий богов и кумиров, не жалеющий даже любимые предрассудки научный анализ. Как писал Маркс в “18 брюмера”:

“...пролетарские революции... постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются в своем движении, то и дело возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, чтобы еще раз начать это сызнова, с беспощадной основательностью высмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног как бы только для того, чтобы тот из земли впитал свежие силы и снова встал во весь рост против них еще более могущественным, чем прежде, все снова и снова отступают перед неопределенной громадностью своих собственных целей, пока не создастся положение, отрезающее всякий путь к оступлению...”, положение, при котором неспособность пролетариата свергнуть капитализм привела бы к гибели рода людского.

Беспощадность пролетариата к прошлому опыту *своей собственной* борьбы подразумевает его еще большую беспощадность к попыткам других классов

скрывать подлинное содержание *их* борьбы за коммунистическими и пролетарскими знаменами – будь эти классы откровенными врагами пролетариата или его временными союзниками. А поскольку большая часть того, что в 20 веке выдавало себя за “социализм” и “коммунизм”, являлось всего лишь движениями буржуазной модернизации, и поскольку ложь о тождестве осуществлявших эту буржуазную модернизацию государственно – капиталистических режимов с коммунизмом представляет собой одно из важнейших духовных орудий буржуазии, то разоблачение этой лжи и объяснение буржуазной природы мнимо коммунистических революций, партий и режимов является необходимой частью работы по подготовке всемирной пролетарской коллективистской революции.

Часть 1.

Пришлось бы писать не статью, а большую книгу, если бы мы попытались здесь разобраться, почему Китай, из всех обществ за пределами Западной Европы, пожалуй, ближе всех подошедший к порогу капитализма, так и не переступил самостоятельно этот порог, почему Китай, где впервые появились компас, порох и бумажные деньги, где существовали крупные казенные мануфактуры, Китай, чьи мореплаватели начала 15 века не уступали западноевропейским мореплавателям конца 15 века, почему Китай, тем не менее, не перешел самостоятельно к капиталистическому способу производства. Здесь придется ограничиться тем, что признать как исходный факт дальнейшего анализа: современный капитализм, базирующийся на машинном производстве, не возник в Китае самостоятельно, а должен был быть принят под натиском внешней конкуренции. Буржуазная трансформация Китая должна была быть догоняющей, вторичной трансформацией. Это – ключевой факт для понимания данной трансформации.

До промышленной революции в Западной Европе, до смены там мануфактуры крупным машинным производством, Китай не уступал ей по валовому национальному доходу. До 1820-х годов платежный баланс торговли с Западной Европой был благоприятен для Китая, и еще в конце 18в. китайский император мог третировать английских послов как нищих заморских варваров.

С промышленной революцией все изменилось. Китайское ремесло и мануфактура ничуть не уступали западноевропейским, но были беззащитны против машин. Китайские войска могли с успехом противостоять примитивным португальским пушкам в 16в., но не скорострельным английским пушкам в 19в. В опиумных войнах 1840 – 1842 и 1856 – 1860 годов европейские пушки пробили стены китайской изоляции, и в ставшее беззащитным пространство хлынули европейские товары и европейские колонизаторы. Китай не мог больше стоять в стороне от мирового капиталистического прогресса и должен был участвовать в нем – не по доброй воле, так по неволе, если не как субъект, то как объект, если не как хищник, то как жертва. Осуществить буржуазную модернизацию, создать и развить капиталистическую промышленность и капиталистическую общественную систему, превратить Китай из зависимой жертвы мирового капитализма в самостоятельного капиталистического хищника – на ближайшие полтора столетия стало задачей, которую разные классы китайского общества пытались решить – каждый в своих собственных интересах и собственными методами.

Сущность буржуазной трансформации состоит в переходе от общества, где преобладает основанное на ручном труде сельское хозяйство, дополняемое

ремеслом, производитель владеет средствами производства и подвергается в основном внеэкономическому принуждению, большая часть производимого продукта идет на непосредственное потребление эксплуатируемых и эксплуататоров, а товарами становятся лишь излишки – к обществу, где господствует крупное машинное производство, производитель лишен средств производства и подвергается экономическому принуждению, товаризация стала всесторонней и всеохватывающей, а большая часть произведенного продукта предназначена не для потребления, а для производственного накопления. Все это в совокупности и составляет переход от первичной классовой формации (феодализма) ко вторичной классовой формации (капитализму). Говоря короче и схематичнее, экономика, где большая часть продукта производится в сельском хозяйстве, предполагает феодализм, экономика, где господствует машинное производство, подразумевает капитализм.

Крестьянство само по себе неспособно осуществить буржуазную революцию. Буржуазная революция может прийти в деревню только извне – из выделившегося из деревни в незапамятные времена города. Но пока буржуазная революция не пришла в деревню, не уничтожила там феодальные отношения и, в конце концов, *не уничтожила старую деревню вообще*, - до тех пор буржуазная трансформация общества далека от завершения. Аграрный вопрос – это центральный вопрос буржуазной революции, революции, которая призвана уничтожить как помещика, так и старого крестьянина, как отнять землю у феодалов (либо превратить их в сельских капиталистов – случаи Англии, Германии и т.п.), так и согнать с земли крестьян – быстро или медленно.

Т.к. аграрный вопрос – главный вопрос буржуазной революции, мы должны взглянуть на его состояние в Китае. Тем более, что это поможет нам разобраться в сущности первичной классовой формации, чье обыкновенное название – “феодализм”, является не самым удачным, но мы будем использовать его за неимением лучшего.

К середине 19 века Китай давно не знал ни отсутствия частной собственности на землю (в 1831г. из 813 млн му (му = 0,061га) обрабатываемой земли в государственной собственности только 81 млн му (6, с.14), ни сословной замкнутости, столь же давно крестьянин страдал от эксплуатации торгово – ростовщическим капиталом – и все это ничуть не мешало общественным отношениям в Китае оставаться феодальными, а не капиталистическими! Это доказывает, что *сущность феодализма* состоит не в отсутствии частной собственности на землю, не в сословной замкнутости и не в личной зависимости крестьянина от феодала, а в его *земельной зависимости*, в эксплуатации крестьянина феодалом и феодальным государством посредством ренты - налога (см. работы В. П. Илюшечкина).

Китай, если оставить в стороне районы, где жили национальные меньшинства, делился на 2 основные части: Северный Китай, где питались в основном просом, и Южный Китай, где питались в основном рисом. В Северном Китае крестьянин в большинстве случаев был собственником земли, и главной формой его эксплуатации был налог в пользу государства. В Южном Китае крестьяне в массе своей были арендаторами, и эксплуатация их осуществлялась посредством арендной платы землевладельцам – *шэньши* (в дальнейшем мы будем в основном называть этот эксплуататорский класс его собственным китайским названием, т.к. с русскими *помещиками* у шэньши были существенные различия, которые мы вскоре и увидим). Более торговый и менее контролируемый центральным правительством Южный Китай был главным

районом революционных событий вплоть до середины 1930 – х гг., когда “Красная Армия” отступила из него на Северо – Запад Китая. Поэтому говорить мы будем в основном о Южном Китае.

Как уже было сказано, в Китае отсутствовала сословная замкнутость. Теоретически, любой крестьянин, успешно сдав государственный экзамен, мог стать чиновником и из эксплуатируемых перейти в эксплуататоры (чем не идеальное “равенство возможностей”!). Господствующий класс – шэньши представлял собой землевладельцев, ростовщиков, чиновников и интеллигентов в одном лице. Доход шэньши на 1/3 состоял из земельной ренты, на 1/3 – из платы за выполнение различных бюрократических функций и еще на 1/3 – из прибыли от торгово – ростовщических операций (20, с.8).

Во – 1-х, шэньши были интеллигентам. Госэкзамен, который они должны были сдавать, имел своей темой какой – то вопрос из классической словесности, и для успеха в нем требовалось знание Конфуция и каллиграфии.

Во – 2-х, шэньши были чиновниками. Любой, желающий занять должность, должен был сдать госэкзамен, хотя для сына шэньши это было во много раз легче, чем для сына даже зажиточного крестьянина.

В – 3-х, эти знатоки изящной словесности были безжалостными ростовщиками. Как писал Г. Сафаров, “Носители потребляющего богатства [феодалы] не годились в купцы, но они могли быть безукоризненными ростовщиками” (26, с.93). Шли они все же и в купцы, хотя ростовщический капитал преобладал над купеческим (там же, с.95). Спекуляция хлебом в голодные годы издавна представляла благородное занятие китайского землевладельца.

Но прежде всего шэньши были землевладельцами. Они не вели собственного хозяйства – ни по феодальному, ни по капиталистическому, и сдавали землю в аренду, представляя собой чистейших паразитов. По подсчетам М. Бородина, они присваивали 2/3 крестьянского труда (18, с.84).

Ростовщичество, спекуляция и торговля были широко развиты в китайской деревне еще чуть ли не до нашей эры. Занятие этими благородными делами землевладельцев в качестве дополнения имело то, что ростовщик или торговец, скопив деньги, предпочитал купить землю и заняться изучением Конфуция – вкуче с выколачиванием арендной платы из крестьян. Землевладелец, купец, ростовщик были представлены в деревне одними и теми же лицами, которые кроме того, не надо забывать, были еще и чиновниками и располагали всей властью в деревне.

Не очень отличался от этого прообраза святой троицы или многоголового дракона и богатый крестьянин – «кулак». Из-за отсутствия сословий его разница с шэньши состояла только в более низком образовательном уровне и собственноручном участии в крестьянском труде, чем брезговали даже небогатые шэньши. Как и шэньши, он занимался ростовщичеством и торговлей, и, как и шэньши, предпочитал не нанимать батраков, а сдавать землю в аренду. Уже его сын, сдав экзамен и приобретя культурный лоск, мог перейти в более высокую категорию.

Отсутствие личной зависимости и помещичьих латифундий, сравнительно широкое развитие товарных отношений, крепкие позиции торгово – ростовщического капитала могли создавать и создавали иллюзии, что в китайской деревне уже господствуют не феодальные, а капиталистические отношения. Во время революции 1925-1927гг. китайские «коммунисты» нередко оценивали помещиков как уже капиталистов и именно поэтому

(революция, мол, буржуазная!) не требовали их экспроприации! (см. 4, сс. 173 – 174). Но не может быть ничего более далекого от истины!

Торгово – ростовщический капитал существует с самых ранних стадий феодализма. Далекий от того, чтобы быть носителем новых капиталистических отношений, он, как не уставал подчеркивать Маркс, является лишь дополнением и восполнением существующих феодальных отношений. Он не преобразует феодальное производство, но паразитирует на нем. Большая и самостоятельная роль торгового и ростовщического капитала – свидетельство не развитости товарных отношений, но неразвитости их, не изобилия денег, но их относительной скудости, признак не капитализма, но феодализма.

Тесное сращивание в одном лице землевладельца, ростовщика и торговца, близость кулака к этой троединой фигуре, заставляли крестьянскую революцию быть радикальной революцией, беспощадной расправой с вековыми паразитами, обдиравшими крестьян. Но буржуазная революция, даже выполненная самыми плебейскими методами, не превращается от этого в социалистическую революцию. Истребление шэньши, передел их земли, отмена арендной платы им позволили бы крестьянину на какое – то короткое время вздохнуть свободно, но означали даже не буржуазную трансформацию в собственном смысле слова, но лишь ее первую стадию, т.к. представляли собой сохранение крестьянского хозяйства, а не переход к крупному капиталистическому земледелию.

Отличительная особенность китайского сельского хозяйства состояла в изобилии рабочих рук при нехватке земли. Отсюда – преобладание мельчайших хозяйств, минифундий, трудоемкость производства, близкого по своему характеру к огородничеству, слабое использование домашнего скота, многие функции которого исполняли сами люди. Отсюда до крупного капиталистического земледелия и уж тем более до земледелия коммунистического лежала дистанция огромного размера. Эта, дистанция, как мы увидим во второй части статьи, не пройдена и до сих пор...

Именно крестьяне первыми сделали попытку своими методами и в своих интересах решить новые проблемы Китая. Эти методы могли быть только старыми методами крестьянской войны. Речь идет о китайской Пугачевщине – восстании тайпинов в 1850 – 1864гг.

Китай – классическая страна крестьянских войн. В его трехтысячелетней истории они привели к власти по крайней мере 2 династии (Хань в III в. до н.э. и Мин в XIV в. н.э.) и опрокинули еще больше (восстание “Желтых повязок” во II в.н.э. развалило централизованное государство династии Хань, но было подавлено провинциальными феодалами; восстания Хуан Чао в IX в. и Ли Цзычена в XVII в. свергли старую феодальную власть, но патриотические эксплуататоры обратились к кочевникам, которые и подавили восставших крестьян. Во втором случае, подавив восстание Ли Цзычена, кочевники – манчжуры, к огорчению китайских феодалов, отказались вернуться в родные степи и установили свою собственную династию Цин, правившую Китаем до 1911г.). Но, при всем их размахе и героизме, крестьянские войны не могли привести к победе нового, капиталистического способа производства, представляя собой лишь необходимый момент в кругообороте феодального способа производства.

Господство земледелия и натурального хозяйства с неизбежностью означает замкнутость и изолированность крестьянских общин. Эти общины неспособны сами, без посредства вождей и начальников, выполнять общие задачи, будь то

оборона от внешних врагов или же ирригационные работы. Эти общие задачи с неизбежностью падают на особый руководящий слой, который начав как *представитель* общин, призванный обеспечивать их *общие* интересы, весьма быстро становится их *подавителем и угнетателем* в своих *частных* интересах. Таково происхождение класса феодалов.

Когда в погоне за своими частными интересами этот класс совсем зарывается и забывает об общих интересах, которые он некогда и был призван защищать, чаша терпения крестьян переполняется и они восстают. Но даже победоносная крестьянская война не может покончить с феодализмом. Феодализм – не результат злой воли кучки бандитов, захвативших страну (как думал некогда выдающийся буржуазный революционер 18в. Томас Пейн), но неизбежный способ производства при господстве земледелия, необходимая “надстройка” над аграрно – крестьянским базисом. Поэтому после победоносной крестьянской войны ее руководящий слой становится новыми феодалами, и история начинается по новому кругу. Примеры этого не столь уж редки в Азии, Европа же знала только одну победоносную, свергнувшую старых феодалов и давшую власть новым, крестьянскую войну – Великую крестьянскую войну на Украине в 1648 – 1678гг. (гуситские войны 1419 – 1437гг., из – за активного участия в них городского бюргерства и плебейства, следует считать не крестьянской войной, а раннебуржуазной революцией).

Вся схема истории китайского общества, как и других аграрных восточных обществ, состояла в цикле централизации – приватизации, описанном в свое время гениальным Ибн – Хальдуном, арабом 14 века, кто единственный до Маркса последовательно придерживался метода исторического материализма. Централизация, жесткая узда на феодалов, ограничение их appetитов сопровождалась экономическим подъемом, а приватизация и свобода частной инициативы этих феодалов в эксплуатации крестьянства вели к упадку и разрухе. Переход от приватизационной разрухи к новым централизации и подъему осуществлялся в результате победоносной крестьянской войны или нашествия кочевников.

К середине 19 века правящая династия Цин явно переживала осень, и, предоставленный самому себе, Китай, наверное, с победоносной тайпинской войной вступил бы в фазу очередной централизации и экономического роста в своем вековечном цикле. Но Китай не был больше предоставлен самому себе, и если восстания Хуан Чао и Ли Цзычена китайским феодалам помогли в свое время подавить варвары со стрелами на лошадях, то тайпинское восстание было подавлено с помощью варваров с пушками на кораблях.

Одержав ряд замечательных побед и завоевав немалую часть Китая, тайпинское государство стало стремительно перерождаться, Тайпинская верхушка превратилась в новых феодалов, распри среди которых привели к массовому внутреннему террору и взаимоистреблению. Это сильно ослабило тайпинское государство перед лицом внешней контрреволюции.

В последние несколько лет существования тайпинского государства его правительство возглавлял Хун Жэньгань, двоюродный брат верховного вождя движения Хун Сюцюаня. Хун Жэньгань, проживший несколько лет в Гонконге и знакомый с буржуазной цивилизацией из первых рук, выдвинул программу строительства железных дорог, открытия паровых линий, создания банков и т.п. Это была замечательная в своем роде идея соединения крестьянской войны с программой буржуазной революции, и Хун Жэньгань был предшественником реализовавшего через 90 лет эту идею Мао Цзедуна.

Но превращение крестьянской войны в буржуазную революцию стало возможным лишь тогда, когда капиталистическая трансформация достигла такой степени, что руководящее ядро крестьянской войны обречено было стать не новыми феодалами, но классом государственной буржуазии. Такой уровень капиталистической трансформации был достигнут в эпоху Мао Цзедуна, но не Хун Жэньганя, и последний остался полузабытым предтечей.

После подавления тайпинов усиливаются позиции собственно китайских помещиков и буржуазии (правящая династия, как мы помним, была не китайской, а манчжурской). Эти высшие слои китайских феодалов в союзе с манчжурской династией делают шаги в сторону “революции сверху”, подобной реформам Петра I или “реставрации Мэйдзи” в Японии. Зарождается собственно китайский капитализм.

“ Первые относительно крупные предприятия создавались в Китае на государственные средства людьми, занимавшими видное положение в правящей иерархии феодального Китая и являвшимися одновременно крупными землевладельцами [например, Ли Хунчжаном, «сильным человеком» в императорском правительстве и крупнейшим феодалом – М.И.]... Числясь собственностью правительства, эти предприятия фактически находились под контролем создававших их крупных сановников..., которые, помимо создания предприятий на государственные средства приобщались и к частнопредпринимательской деятельности, вкладывая свои капиталы в отрасли промышленности, не охваченные государственным предпринимательством...

Зарождавшийся китайский капитализм был, таким образом, тесно связан с государственной властью и феодально – помещичьим землевладением...» (22, с.350), и эта связанность и переплетенность с государственной властью была и остается характерной чертой китайского капитализма.

Но попытки повторить в Китае реформы Петра I были обречены на поражение, т.к., не говоря о внутренних причинах, неравенство в уровне развития Китая и империалистических стран было намного большим, чем неравенство в уровнях развития России и Западной Европы за 200 лет до этого.

Разгром Китая в войне с Японией в 1894 – 1895гг. и последовавшая за этим истерическая экспансия в Китай империалистических держав, каждая из которых спешила урвать свою долю, застолбить за собой сферу влияния – все это явилось свидетельством провала реформаторских потуг верхов китайских феодалов.

Вслед за ними зашевелились средние феодалы. Разворачивается конституционно – монархическое движение. Если непросвещенный деспотизм не осуществил модернизацию Китая, не спас его от варваров, может быть, это сумеет сделать конституционная и просвещенная монархия?

В 1898г. император Гуансюй, имевший больше номинальную власть, т.к. реальную прочно удерживала его тетка Цыси, прислушался к реформаторам и допустил их в правительство. Следуют «100 дней реформ», кончившихся печально – переворотом Цыси и реакционной клики. Гуансюй свергнут с престола (и затем убит), реформаторы либо казнены, либо спасаются бегством за границу. Вслед за верхами феодалов демонстрируют свою несостоятельность и их средние слои, китайских конституционных монархистов постигает столь же незавидная участь, что и русских – от верховников до Сперанского.

Итак, невозможны ни реформы сверху, ни реформа этого верха. Остается путь революции, путь вооруженного свержения Цинской династии. Этот путь уже

несколько лет отстаивает доктор Сунь Ятсен и созданный им Союз Возрождения Китая.

Сунь Ятсен и руководимые им организации, последней из которых был Гоминьдан, сыграли огромную роль в истории Китая. Гоминьдановские вожди были непосредственными учениками Сунь Ятсена, вожди КПК и КНР, утверждая, что являются учениками Маркса, на деле тоже были учениками Сунь Ятсена, ибо выполнили задачу *строительства капитализма*, которую пытался решить Сунь Ятсен, а не задачу *уничтожения капитализма*, выдвинутую пролетариатом и теоретически сформулированную Марксом. Поэтому на Сунь Ятсене и его организациях следует остановиться подробнее.

С легкой руки Ленина принято считать взгляды и позиции Сунь Ятсена китайским народничеством, аналогом революционного народничества в России. Нужно разобраться, так ли это.

Ленин писал свою статью о Сунь Ятсене («Демократия и народничество в Китае», см. 13, сс. 400 – 406), зная о взглядах последнего лишь по одной его статье. Обнаружив в ней надежду перепрыгнуть через капитализм, он зачислил Сунь Ятсена в народники, не занимаясь детализированным анализом его взглядов (что в июле 1912г. было и для Ленина и невозможно, и не особо нужно). Абсолютная правильность принципиальной позиции Ленина, согласно которой *Китай не может миновать капитализма и подлинно социалистическая революция возможна лишь как результат противоречий последнего*, эта принципиальная правота отнюдь не означает автоматически, что Ленин правильно понял, интересы какого класса китайского общества выражал Сунь Ятсен.

Отличительная черта народничества – не надежда избежать капитализма, о чем мечтали и разнообразные феодальные реакционеры, но *попытка совершить одновременно и антифеодальную, и антикапиталистическую революцию*. Народничество – идеология крестьянской революции, уничтожения феодализма посредством восстания низов, плебейской расправы. Незрелость крестьянства, неготовность его к восстанию могла вызывать у революционных народников горькие слова в его адрес и толкала народническую мысль на поиски средств, какими можно *побудить народ к восстанию*. Но действия революционного меньшинства рассматривались народничеством либо как запал, призванный зажечь народное восстание, либо – в самых якобинских вариантах – как печально – неизбежный заменитель этого восстания, если оно все же не произойдет. Даже самые якобински настроенные народники считали своей задачей быть *пробудителями, просветителями и освободителями* народа, а не его *вечными опекунами*.

Итак, нет народников без ориентации на свержение феодализма путем крестьянской революции. Установив это, перейдем к анализу деятельности и взглядов Сунь Ятсена и руководимых им организаций.

Первой из них был образованный в 1894г. Союз Возрождения Китая. «В него вошли представители *зарождавшейся национальной буржуазии* и буржуазной интеллигенции, городской мелкой буржуазии, **помещиков и шэньши из Южного и Восточного Китая, заинтересованных в капиталистическом развитии страны**, а также представители эмигрантской буржуазии, которая не могла найти применения своим капиталам на родине в условиях гнета цинской монархии»(30, с.19). По его программной декларации ясно видны патриотические мотивы всех этих слоев, желающих путем догоняющей капиталистической модернизации «спасти Китай» и с ним – свое

привилегированное место в нем: «После недавнего позора, покрывшего нашу страну, и разгрома, постигшего армию, враг отторг вассальные владения [!!!] и угрожает рубежам отечества. Некогда величественному Китайскому государству нет достойного места среди соседних держав... Может ли это не вселять тревогу в сердца мужей чести?» (30, с.18).

В 1905г. Союз возрождения Китая вместе с другими антиманчжурскими группами образовал Объединенный революционный союз. «По своему социальному составу новая организация была более широкой, чем Союз возрождения Китая. Она включала в себя, наряду с представителями буржуазно – демократических кругов юга Китая и эмигрантской буржуазии (членами Союза возрождения Китая...) представителей хунаньской *буржуазно – помещичьей партии* «Союз обновления Китая»..., представителей чжецзянских *буржуазно – помещичьих кругов*, деятелей культуры и просвещения..., ряд революционных объединений китайских студентов в Японии и т.д.» (30, сс. 46 – 47).

Сам по себе социальный состав не является решающим аргументом для определения классового характера организации. Среди русских народников тоже было немало выходцев из дворян. Но они были именно *выходцами*, порвавшими со своим бывшим классом. Причем значительная часть из них либо вышла из разоряющихся мелкопоместных дворян, либо была вообще *дворянами* (юридическое сословие), но не *помещиками* (экономический класс).

Выходцы из разоряющихся шэньши составят большинство руководства ранней КПК (Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Дэн Чжунся и др.), но актив организаций Сунь Ятсена отнюдь не порвал со своим классом.

Эти определялась и стратегия данных организаций. «Они не ставили своей целью вовлечение в борьбу широких трудящихся масс города, крестьян, солдат и возлагали все надежды на достижение первоначального успеха лишь силами малочисленных вооруженных групп самих повстанцев» (30, с.21). Никто из лидеров этих национал – революционных организаций, кроме, м.б., одного из первых соратников Сунь Ятсена, связанного с крестьянскими тайными обществами Чжэн Шиляна, не ориентировался на крестьянскую революцию, все они рассчитывали на военное восстание, в котором крестьяне, да и солдаты, будут лишь оружием в руках вождей – каковая роль предназначалась солдатам и в планах большинства декабристов.

И действительно, национал – революционные организации в Китае были аналогом не народничества, но декабризма. Разница между народничеством и декабризмом – это классовая противоположность, народничество боролось за интересы *пролетаризирующегося крестьянина*, декабризм – за интересы *обуржуазивающегося помещика*. Одну и ту же историческую задачу эти движения пытались решить в пользу противоположных классов. Народничество, не смотря на свои социалистические намерения, объективно боровшееся за буржуазное преобразование России, хотело осуществить его посредством крестьянской революции, декабризм, движение обуржуазившихся помещиков – иначе говоря, аграрной буржуазии – посредством военного переворота, осуществленного представителями аграрной буржуазии и в ее классовых интересах.

Принципиальный элитаризм – черта мировоззрения Сунь Ятсена и всех гоминьдановцев, включая «левых», черта, противопоставляющая это мировоззрение народничеству.

Так, Сунь Ятсен считал, что люди *по своей природе* делятся на 3 категории: способных предвидеть, способных познавать и чувствовать и способных только исполнять (см. 29, с. 518). «...*большинство народа относится все же к непознающим, и мы, способные к предвидению, должны им руководить, дабы повести его по правильному пути, и только в этом случае мы сможем избежать смут*» (29, с.528). Для левого гоминьдановца Ляо Чжункая «народ выступает как *бессознательная масса, объект усилий революционеров, причем деятельность народа должна строго регламентироваться конституционными рамками*» (27, с. 33). От лично честного, бескорыстного и незапятнанного Ляо Чжункая не отставал и вождь левого Гоминьдана, демагог и переметная сума Ван Цзинвей. На его взгляд, *народом нужно управлять, используя две фундаментальные человеческие черты: нелюбовь к труду и страх смерти* (см. там же, сс.69 – 70). Подобные настроения, слова и идеи были немыслимы у всех направлений революционного народничества, даже у народоволки якобинского толка Марии Ошаниной с ее «Я люблю и ненавижу русского мужика за его терпение и смирение».

Мы презираем лицемерные фразы буржуазии о демократии и «уважении воли большинства». Насквозь лжива идея, что политическое равенство может реально существовать при сохранении социального неравенства, что неравные люди могут быть равными гражданами, что бедные и богатые, пролетарии и капиталисты в качестве избирателей могут иметь общую волю. Против этого лицемерия тысячу раз была права старая идея о «*воспитательной диктатуре*», о том, что изувеченные, изломанные деспотизмом и/или капитализмом люди смогут обрести свою волю только после революционного переходного периода, при революционной диктатуре, установленной сознательным меньшинством.

Что характеризовало, однако, идею «воспитательной диктатуры» как в ее революционно – демократических, так и в революционно – коммунистических вариантах – это понимание ее *временного* характера. Сторонники ее видели причины неравенства людей не в *человеческой природе*, а в *человеческом обществе*, и преобразование общества рассматривали как путь к *уничтожению неравенства людей*. Осуществив свои задачи, разрушив старый строй и открыв народу путь к знанию и свободе, «воспитательная диктатура» революционного меньшинства должна была отмереть.

Здесь не место анализировать внутренние противоречия идеи «воспитательной диктатуры» – и *продолжением, и отрицанием которой стала идея диктатуры пролетариата* – но она и учение Сунь Ятсена о природном делении людей на 3 категории – это теории противоположных классов.

Создание сильного и якобы надклассового государства, призванного спасти Китай от гибели – такова была цель всей жизни и борьбы Сунь Ятсена. Задачу китайской революции он видел не в достижении свободы индивида, т.к., на его взгляд, такой свободы и так было слишком много в Китае [!!!] – это в старом Китае, где индивид был полностью подавлен родом и государством! (о «свободе» в феодальном Китае можно подробно прочитать в превосходной книге Сидихменова. См. 28), - но в достижении *свободы государства*, в создании «крепкой общности» (см. 29, сс. 478 – 479).

Чрезвычайной умеренностью – с точки зрения крестьянских интересов – отличалась и аграрная программа Сунь Ятсена. На сей счет нет ничего более характерного, чем его собственные слова: «... **методы Гоминьдана таковы, что современные землевладельцы по-прежнему могут быть спокойны.** [!!!] Что же это за методы? Это правительственный поземельный налог согласно

цене земли и выкуп земли правительством согласно ее стоимости» (29, с. 584), иными словами, национализация абсолютной ренты, что означало бы превращение землевладельцев – шэньши из феодалов в аграрных капиталистов. Для революционных народников национализация земли была результатом крестьянской революции, экспроприации земли у помещиков и ее черного передела. При этом, во всяком случае, значительное большинство их считало идеалом, которого следует постепенно достичь, коллективную товарищескую обработку земли. Конечно, несмотря на свой искренний субъективный социализм, народники объективно боролись за победу капитализма, но за победу капитализма в результате крестьянской революции снизу, за капиталистическое развитие, максимально выгодное крестьянской массе, а не слою обуржуазившихся помещиков, между тем как Сунь Ятсен и другие китайские национал – революционеры отстаивали интересы обуржуазивающихся шэньши, неолигархической буржуазии и эмигрантской буржуазии (выходцем из хуацяо был вышеупомянутый китайский якобинец Ляо Чжункай, как и его жена Хэ Сяннин, тоже значительная фигура в левом Гоминьдане, отец которой был крупным гонконгским чаоторговцем) (27, сс. 8 – 9).

Повторим еще раз, что аналогом китайских национал – революционеров в России будут не народники, но декабристы. Первые отстаивали интересы пролетаризирующегося крестьянина, вторые – обуржуазивающегося помещика. И те, и другие объективно боролись за буржуазный переворот, но народники – за крестьянскую революцию, а декабристы – за буржуазные преобразования, проведенные пришедшей к власти в результате военного переворота группировкой прогрессивного обуржуазившегося дворянства. Взгляды Сунь Ятсена весьма напоминают взгляды наиболее радикального буржуазного революционера – декабриста, Пестеля – неприязню к «аристократии богатства», культом сильного государства и проектом национализации земельной ренты.

Ошибка Ленина объяснима. Россия, отсталая по сравнению с Англией или Германией, была куда более капиталистически развитой, чем Китай, кратковременную и непрочную революционность русской аграрной буржуазии (= обуржуазившегося дворянства) отделяло от июля 1912г. без малого 100 лет, и декабристы для Ленина были героическим мифом, а не живым классовым врагом. Ленин, правильно признав в «Демократии и народничестве в Китае» – и не только там – что на Востоке, в отличие от Запада, есть еще революционная буржуазия, чьим представителем и является Сунь Ятсен, ошибочно отнес последнего из – за этого к крестьянской демократии, а не к буржуазно – помещичьему этатизму. Ленин смотрел сквозь призму условий России, где с 1850 – х годов все социалисты были революционерами, а все революционеры – социалистами, иными словами, где за революционную борьбу с феодализмом выступали лишь представители крестьянства и пролетариата. В Китае же дело обстояло не совсем так.

Мы уже видели, что национал – революционные организации в самом Китае опирались не на крестьян, а на слой обуржуазившихся шэньши, в эмиграции же – на хуацяо, а не на чернорабочих – кули. Политическим наставником молодого Чан Кайши был Чэнь Цзимэй, крупный делец, *главарь шанхайской мафии*, и при всем при том – *ревностный и самоотверженный революционер*, приверженец Сунь Ятсена, убитый агентами Юань Шикая (2, сс. 9 – 22).

Революционность китайской буржуазии (речь, ясное дело, не идет о самых ее верхах, вроде организовывавшего государственные капиталистические предприятия крупного сановника Ли Хунчжана) была буржуазной революционностью. Тесно сросшаяся с феодальным землевладением, эта буржуазия всеми фибрами души была враждебна аграрному перевороту. Но дать по рукам иностранцам, чтобы они не присваивали сверх меры прибавочный труд, который должен идти самой китайской буржуазии, прогнать Цинов (до 1911г.) или князьков – милитаристов (после 1911г.), создать мощное государство, идущее по пути капиталистического прогресса – за эти идеалы революционные китайские буржуа, такие, как Чэнь Цзимэй, иногда даже отдавали жизни.

Причина отличия китайской буржуазии от русской заключалась в отсталости Китая. В Китае не было восторжествовавших петровских реформ, означавших полное сращивание буржуазии и государства, купечество и местные землевладельцы сохранили значительные элементы архаической средневековой автономии от архаического средневекового государства. Подобным же образом в России до петровских реформ степень независимости буржуазии от государства была куда выше, и политическая активность русского бюргерства принимала нередко революционный характер, о чем свидетельствует история всего русского «бунташного» 17 века. Последнее проявление революционности старого русского бюргерства – астраханское восстание 1705 – 1706гг., в Китае же старая оппозиционность южнокитайских купцов и шэньши против манчжурской династии сохранилась до 20 века.

В июле 1912г., когда Ленин писал свою статью о Сунь Ятсене для «Невской звезды», его ошибка в определении классового характера китайского национал – революционного движения не имела практических последствий. Но через 10 лет, когда большевики, Советская Россия и Коминтерн стали проводить практическую политику в Китае, эта последняя не замедлила приобрести характер путаницы, имевшей катастрофические последствия: «Гоминьдан был не просто буржуазной, а буржуазно - помещичьей партией, а Исполком Коминтерна по – старому продолжал думать [речь идет о VII пленуме ИККИ в феврале 1926г. – М.И.], как бы предотвратить его превращение в буржуазную партию» (4, с.231).

Но было бы заблуждением считать политику советского руководства в Китае следствием неверного теоретического анализа. Такой неверный анализ мог психологически облегчать проведение данной политики (идти на союз с крестьянской партией – одно, с помещичьей – совсем другое!) и давать этой политике идеологическое обоснование, но ее причины заключались не в ошибочной теории, а в практической потребности советского руководства нанести удар по врагу – западному империализму всеми будто бы имеющимися в распоряжении средствами, особо не разбираясь в природе этих средств. До того как взять прочную ориентацию на Сунь Ятсена и Гоминьдан, руководство Советской России возлагало некоторые надежды на милитаристов Чжан Цзолиня и У Пейфу (см. 7), на У Пейфу же сильно полагалось руководство КПК – пока он 7 февраля 1923г. не расстрелял бастующих железнодорожников и не отрубил головы их вождам! (см. 34, сс. 259, 266).

Не следует забывать, что совместную с Сунь Ятсеном декларацию, где говорилось о неприменимости социализма и коммунизма в Китае, с советской стороны в январе 1923г. подписал *Иоффе*, ближайший друг Троцкого, застрелившийся в ноябре 1927г., протестуя против сталинской политики.

Первым предложил, отстоял и провел идею о вхождении КПК в Гоминьдан представитель Коминтерна в Китае *Сневлиет*, во время Второй Империалистической Войны руководитель революционно – интернационалистской организации Фронт Маркса – Ленина – Люксембург, боровшейся против всех воюющих империализмов. То, что путь, приведшей Компартию Китая к жуткому разгрому 1927г., первыми указали эти герои революционного коммунизма, доказывает, что глубинные причины этого разгрома следует видеть не в предательстве сталинской бюрократии.

Слабость и неразвитость китайского пролетариата, а тем самым – и его самостоятельного классового движения, побуждали стремительно перерождавшееся советское руководство искать в Китае более сильных и, как казалось, более полезных союзников против своего врага – западного империализма. Этот союзник, казалось, был найден в революционной китайской буржуазии, недовольной западным империализмом – своим победоносным конкурентом в присваивании прибавочного труда, выжатого из трудящихся Китая.

Однако когда Северный поход, предпринятый в результате альянса московской бюрократии и китайской буржуазии, волей – неволей всколыхнул крестьянское море, и перед китайским буржуа, тесно связанным с феодальным землевладением, встал страшный призрак крестьянской революции, этот буржуа всем нутром почувствовал, что западный империалист – всего лишь конкурент, а бунтующий крестьянин и восстающий рабочий – смертные враги. Ведь западный конкурент отнимает всего лишь часть (хотя бы эта часть и была львиной долей) выжатого из крестьян и рабочих прибавочного труда, а сами крестьянин и рабочий хотят покончить с эксплуататорскими посягательствами на их труд вообще. Поэтому вчера революционные (в буржуазном смысле, разумеется) китайские буржуа в 1927г. дали задний ход и учинили массовую резню рабочих и крестьян. Советское же руководство, ставшее к этому моменту руководством класса государственной буржуазии, и для кого западный империализм уже превратился из классового врага в обыкновенного конкурента, не могло этому ничего противопоставить, даже если бы и хотело...

Так как мы пишем здесь не *изложение* китайской истории 20века, но *анализ* этой истории, мы забежали здесь слишком вперед и должны вернуться назад.

После множества неудачных заговоров и восстаний, организованных возглавляемыми Сунь Ятсеном национал – революционными организациями, революция 1911г. свергла, наконец, Цинскую династию. Но южнокитайские шэньши и торговцы, составлявшие социальную базу этих национал – революционных организаций, в силу своей классовой природы не могли осуществить радикальную аграрную революцию, которая покончила бы с феодализмом. В результате, *как могло казаться*, все пошло по старой китайской схеме: власть в Пекине захватил сановник Юань Шикай, стремившийся основать новую династию, но провинциальные губернаторы и командиры местных гарнизонов, которым принадлежала реальная власть, воспротивились, Юань Шикай вскоре умер с горя, а Китай распался на фактически самостоятельные провинции, управляемые местными князьками (в советской литературе их называют “милитаристами” или собственно китайским термином “дуцзюни”). Все, казалось, шло как и много столетий назад: после свержения старой династии начиналась борьба за то, кто будет ее преемником, борьба, в которой наиболее сильный из претендентов уничтожал соперников и заново объединял Китай.

Но на дворе был уже 20 век, мировой рынок, мировой капитализм властно диктовал свои условия, и грядущий объединитель Китая мог объединить его только на капиталистической, а не феодальной основе.

Пока дуцзюни то дрались, то мирились, а у несчастных крестьян от этого трещали зубы, экономическое развитие продолжалось. Первая мировая война явилась благодеянием для китайской буржуазии. Ее могущественные конкуренты, занятые междоусобной войной, временно удалились с китайского рынка, и на образовавшееся свободное место бурно ринулся китайский капитал. Стала стремительно развиваться промышленность, в частности, текстильные предприятия в Шанхае. Но тем большим ударом для китайской буржуазии стали окончание войны и возвращение европейского капитала на китайский рынок.

И бурный экономический рост, и последовавший за ним экономический кризис сопровождались надстроечными преобразованиями. Полная зависимость личности от рода и государства, почитание стариков и старых предрассудков, включая самого старого старика и самый древний предрассудок – Конфуция с его учением, боязливая вера в кучу богов и духов, не оглядываясь на которые, нельзя было ступить и шагу, перебинтовывание ног девочкам, калечившее их на всю жизнь – *и делавшее их негодными работницами*, даже сам мумифицированный литературный язык и иероглифическая письменность – все это мешало свободному капиталистическому развитию. Возникает движение за новую культуру. Его лидеры – ученые и публицисты Чэнь Дусю и Ли Дачжао говорят: На свалку феодальный хлам! К черту – Конфуция! К дьяволу – дряхлые предрассудки! Да здравствует разум! Да здравствует наука и демократия!

Это было буржуазно – просветительское движение, напоминавшее французское Просвещение, а того больше – деятельность Герцена и Белинского. Как и последние, Чэнь Дусю и Ли Дачжао, объективно борясь с феодализмом, субъективно не могли и не хотели быть приверженцами капитализма, разграбившего Китай до нитки и как раз в это время – время Первой империалистической войны – бившегося в Европе в пляске смерти. Но неравномерность капиталистического развития в Китае проявила себя еще более жестоким образом, чем в России, и через несколько лет Чэнь Дусю и Ли Дачжао станут вождями Компартии Китая. Ситуация была похожей на ту, как если бы создателем первой марксистской группы в России был бы не Плеханов, а Белинский, и не было бы ни Чернышевского, ни хождения в народ, ни “Народной воли”!

На деле история не знает перепрыгивания через *необходимые* этапы, и все подобные перепрыгивания при ближайшем рассмотрении оказываются лишь мнимыми. Революционную теорию и революционное руководство невозможно “импортировать” извне, их нужно **выстрадать** изнутри. Извне можно заимствовать слова и фразы, но содержание, вкладываемое в них, будет определяться внутренней природой заимствовавшего.

Большевизм был и отрицанием, и продолжением революционного народничества. Большевицкая партия не была в 1903г. создана из ничего, и создавал ее не только Ленин с тысячами известных и неизвестных большевиков. Ее создали также Чернышевский и Ткачев, Желябов и Халтурин, все теоретики, герои и рядовые борцы революционного народничества.

Партия существует не для пропаганды правильной программы (это – лишь необходимое средство), но для борьбы за власть. Это требует, чтобы

революционная программа была донесена до масс, чтобы произошли отбор и закалка тысяч революционных борцов, чтобы существовала живая традиция борьбы и мученичества. Все это не дается сразу, но требует десятилетий тяжелой работы и огромных жертв. Перед революционной волной 1917 – 1923гг. эта непрерывная революционная традиция, охватывающая десятилетия, имела только в России, и именно поэтому большевики смогли сделать то, что не смогли спартаковцы в Германии – привести пролетариат к захвату власти.

Бесповоротный разрыв революционной демократии с либерализмом, труда с капиталом был осуществлен в России еще Чернышевским. Возникшая между ними пропасть существовала все позднейшее время, несмотря на редкие попытки перебросить через нее мостик тактических союзов. Революционное народничество, отстаивавшее интересы *пролетаризирующегося* крестьянина, с самого начала училось – и научилось – стоять на собственных ногах, полагаться на собственные силы, а не на либерального буржуа или помещика. Этот бесповоротный разрыв с либерализмом был унаследован Лениным и большевиками, получившими от революционного народничества и много чего еще – технику конспиративной работы, первые контакты в пролетариате, а главное, традицию борьбы, самопожертвования и мученичества.

У китайских революционных народников (кем *в лучшем случае* были активисты ранней КПК) ничего этого не было. Они находились еще в самой ранней стадии своего движения, как русские народники – в начале 1860-х гг. Им нечего было противопоставить давлению РКП(б) и Коминтерна, требовавших от них идти в услужение буржуазно – помещичьему Гоминьдану.

Движущим мотивом основателей КПК был национализм, тревога за судьбу Китая, терпящего поражение в конкуренции с Западом, желание спасти его и вернуть ему величие. Ли Дачжао писал в 1916г.: *“Вся задача нашей молодежи состоит в том, чтобы Китай смог достичь в пространстве центрального положения в Поднебесной и оказался бы в центре времени”* (11, с. 62). Пролетариат, на их взгляд, должен был осуществить эту задачу – задачу другого и враждебного класса, а не свою собственную, *задачу не уничтожения капитализма, а его построения*. Как писал Ли Дачжао: *“Китай угнетает капиталистический империализм. Кто способен во всей стране оказать ему сопротивление – буржуазия, мелкая буржуазия, интеллигенция? Только пролетариат. В национальной революции только пролетариат является авангардом”* (там же, с.119). Итак, пролетариат должен был быть не борцом за свою собственную интернациональную революцию, но авангардом национальной буржуазной революции.

Соответствующими были и представления Ли Дачжао о социализме и ближайших задачах: *“...поскольку в Китае международному угнетению (со стороны империализма и капитализма) одинаково подвергаются все классы, постольку, утверждая социализм, нам следует, сплотившись воедино со средней буржуазией, превратить Китай в независимое государство, не подвергающееся международному угнетению со стороны иностранных держав”* (14, с. 312).

“...если Китай не пойдет по пути социализма, то силы бюрократии, которые довольно мощны, также свяжут руки деловым людям. Китайские предприниматели все без исключения подвергаются вмешательству и гнету со стороны бюрократии. После установления социализма тех, кто связывает руки деловым людям, следует безусловно устранить” (там же, с.322).

*“Социализм”, утверждённый в союзе со средней буржуазией, “социализм”, который развяжет руки деловым людям – такой “социализм” был построен Мао и Дэном и именуется **капитализмом!***

Следует отметить, что все эти милые вещи Ли Дачжао писал в 1920 – начале 1921гг., когда до систематического воздействия и контроля со стороны Коминтерна было очень далеко и подлинные взгляды основателей КПК в наименьшей степени были затемнены идеологическим туманом.

Предъявлять Ли Дачжао претензии за то, что он был тем, кем был, и не был тем, кем не был, - столь же смешная и вздорная затея, как предъявлять подобные претензии Руссо или Робеспьеру. Коммунизм – следствие не субъективной доброй воли, а объективных противоречий капитализма. Там, где подобные противоречия находятся еще в зародышевой стадии, где капитализм не стал еще господствующей системой, где на повестке дня история ставит победу капитализма, а не его уничтожение, там нет и не может быть подлинно коммунистического движения. То, что выдает себя за таковое, в большинстве случаев лишь облакает в коммунистическую фразеологию свои ограниченно – буржуазные цели, в меньшинстве же случаев, когда на деле представляет возникающий пролетариат, время победы которого еще не пришло, имеет перед собой как непосредственную перспективу лишь указать своим мученичеством путь для грядущих поколений пролетариата.

Ли Дачжао, казненный в апреле 1927г. северокитайским царьком Чжан Цзолинем, был смелым и самоотверженным буржуазным демократом. Таковыми же были Чэнь Дусю, Цюй Цюбо и их товарищи.

В статье “От демократии к социализму” Цюй Цюбо, весьма хорошо и правильно воспроизводя взгляды Ленина, писал:

“ Роль и задачи пролетариата в буржуазной революции должны определяться, исходя из объективных возможностей и потребностей общественного развития. Капитализм представляет собой определенный общественный строй, который – нравится нам это или нет – складывается в результате естественного развития т.н. “национальной экономики”. Более того, [Слушайте, приверженцы «некапиталистического пути развития» и перепрыгивания через этапы!] только в процессе развития капитализма может родиться социализм, только капитализм в состоянии создать техническую основу для социалистического обобществления средств производства, только капитализм в состоянии породить многочисленный, сильный своей сознательностью, революционный пролетариат. ...только в недрах буржуазного общества (демократизма) могут прорасти зерна социализма – и лишь тогда явственно обнаружатся противоречия между пролетариатом и буржуазией...

Демократическая революция выражает потребности развития капитализма. И хотя на первый взгляд она выглядит восстанием, направленным против верхушки общества, капиталистов или против империализма, тем не менее эта революция не только не уничтожает основ капитализма, а напротив, расширяет и углубляет их...

...развитие капитализма на почве товарного производства неизбежно [Слышите, пропагандисты совместимости рынка и социализма!] и никакими средствами невозможно остановить зарождение буржуазии. Совершенно невозможно пытаться перескочить через капитализм и немедленно осуществить социализм. Марксизм учит, что общество, основанное на товарном производстве, осуществляющее обмен с цивилизованными

капиталистическими странами, на известной ступени развития становится и само на путь капитализма [Слушайте, сторонники пекинского официоза, будто Китай, или любое другое общество, основанное на товарном производстве и осуществляющее обмен с «цивилизованными капиталистическими странами», может не быть капиталистическим!]. ..Марксисты вовсе не предполагают перескочить с помощью каких - то неведомых средств через капитализм и перейти непосредственно к социализму. Для этого существует только один путь – путь классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма” (33, сс.200, 206).

Из всего этого Цюй Цюбо делает вывод: ***“в настоящее время подлинно коммунистическое движение в Китае – не более чем якобинство, движение самого последовательного, самого крайнего демократизма”.*** (33, с.226).

Это утверждение, правильно указывающее, что “коммунистическое движение в Китае” не содержало в себе ни грана коммунизма, все же является слишком лестным для данного движения. Как показала революция 1925-1927гг., китайские “коммунисты”, будучи такими же радикальными буржуазными демократами, как и французские якобинцы, далеко уступали последним в решительности, непримиримости и беспощадности, не решились, не захотели и не смогли возглавить крестьянскую революцию, и были поэтому разбиты силами контрреволюции. В этом, и только в этом, их и можно упрекать (если вообще не считать упреки и похвалы деятелям прошлого пустой тратой времени) – не в том, что они не были революционными коммунистами, а в том, что они провалились как революционные демократы, не в том, что они не смогли осуществить социалистическую революцию, а в том, что они не смогли привести к победе даже революцию буржуазную – словом, в том, что они не были не только коммунистами, но даже якобинцами.

Только в свете этого можно понять идейную эволюцию основателя КПК Чэнь Дусю, которая иначе будет выглядеть чередой скачков и отречений. Радикальный буржуазный демократ, затем возглавивший Коммунистическую партию и руководивший ею в 1921 – 1927гг., в 1929г. ставший троцкистом, и мужественно, как и подобает революционному демократу, державшийся на суде в 1932г., в конце жизни он вернулся к буржуазной демократии и писал в 1940г. : “ Если Германия и Россия выйдут победителями из войны, человечество вступит в мрачную эпоху по крайней мере на полстолетия. Только если капиталистическая демократия сохранится благодаря победе Англии, Франции и США, возможен путь к пролетарской демократии. .. Разница между так называемой пролетарской демократией и капиталистической демократией только в масштабе. Не существует пролетарской демократии с другим содержанием. *После Октябрьской революции были сделаны усилия разрушить сущность капиталистической демократии. Ее заменили более абстрактным термином: пролетарская демократия. Результатом был сталинский режим в России, которому в свою очередь подражают Италия и Германия.*” (цит. по 41, р. 212).

Будь Чэнь Дусю на самом деле коммунистом и пролетарским революционером, после этих слов его можно было бы смело считать ренегатом, псом, вернувшимся на блевотину буржуазной демократии, как это сделали Макс Шахтман или лидеры ПОУМ Маурин и Горкин. Но Чэнь Дусю не был пролетарским революционером. В пролетариате он увидел всего – навсего исполнителя «национальной», т.е. буржуазной революции, а в марксизме и коммунизме – идеологическое обоснование этой революции. Когда он увидел,

что политика СССР и Коминтерна в Китае привела не к победе буржуазно – демократической революции, а к ее разгрому, он обратился к троцкизму. Когда же к концу 1930-х годов окончательно выяснилось, что «коммунистический» режим в России выродился в новую тиранию, а троцкизм оказался слишком слаб, чтобы помешать этому, Чэнь Дусю отказался от марксизма и троцкизма, как от идеологических средств, которые не смогли привести к его цели. А эта цель – буржуазная демократия и капиталистическая трансформация Китая – оставалась неизменной на всем протяжении его деятельности.

И в свой троцкистский период Чэнь Дусю склонялся к мнению о буржуазно – демократическом характере предстоящей Китаю революции, лучше понимая китайскую действительность, чем молодые китайские троцкисты. Субъективная приверженность последних ошибочной теории «перманентной революции» не мешала, впрочем, тому, что объективно они боролись за буржуазную революцию (как объективно за нее боролись все течения в русском революционном движении 19 – начала 20вв., включая тех, кто, как народники, анархисты, максималисты и Троцкий, субъективно выступал за немедленную социалистическую революцию). Такое понимание сближало Чэнь Дусю с заклятыми врагами – сталинистами. Встречавшийся с ним в начале 1939г. троцкист Ли Фурен отмечал: «Отвращение Чэнь Дусю к сталинистам – больше сентиментальное, из – за их лжи и насилия. Их же политику национально – демократической революции для Китая он принимает» (37, р. 117).

«Ошибочная теория перманентной революции!», - уже слышим мы от троцкистов. «Да уж не сталинист ли такое пишет?!». Поскольку марксистская критика теории перманентной революции, данная Итальянской Коммунистической Левой, неизвестна подавляющему большинству российских левых активистов – в отличие от сталинистской критики этой теории, необходимо рассмотреть здесь общий вопрос о тактике пролетариата в буржуазной революции.

100 лет назад все марксисты России прекрасно понимали, что назревающая здесь грандиозная социальная революция сама по себе, соответственно уровню развития производительных сил, может быть только буржуазной революцией. При этом меньшевики выступали за союз пролетариата с либеральной буржуазией (т.е. за ту же тактику, которую применит КПК в 1925 – 1927гг.) - и поэтому в конце концов оказались на другой стороне баррикады, рядом с кадетами и белыми генералами. Напротив, и большевики, и Троцкий отстаивали классовую самостоятельность пролетариата и захват им политической власти – а потому и оказались в 1917г. на той стороне баррикады, где были рабочие, крестьяне, солдаты и матросы.

Что отличало позиции большевиков и Троцкого – это понимание *характера диктатуры пролетариата в демократической революции*. Большевики, вождем которых был Ленин, оценивали эту грядущую диктатуру как «революционно демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства», которая не выйдет за пределы капитализма – и не потому, что пролетариат этого *не захочет*, а потому, что он этого *не сможет*. Ведь **уничтожение капитализма означало для Ленина уничтожение товарного производства** (и он не устал подчеркивать это в полемике против выродившихся эпигонов народничества), а такое уничтожение возможно лишь на основе производительных сил, далеко превосходящих существовавшие в то время в России (и даже, как понимаем мы теперь, во всем мире).

Троцкий, однако, считал такое «самоограничение» пролетарской диктатуры несостоятельным. (Как будто речь шла о субъективном самоограничении, а не об объективных пределах, через которые невозможно перепрыгнуть!). В работе «Итоги и перспективы» (1906г.) он писал:

«не может быть и речи о какой – то особенной форме пролетарской диктатуры в буржуазной революции, именно о демократической диктатуре пролетариата (или пролетариата и крестьянства). Рабочий класс не может обеспечить демократический характер своей диктатуры, не переступая за границы своей демократической программы...

Разделение нашей программы на минимальную и максимальную имеет громадное и глубоко принципиальное значение при том условии, что власть находится в руках буржуазии. Именно этот факт – принадлежность власти буржуазии – изгоняет из нашей минимальной программы все требования, которые не примиримы с частной собственностью на средства производства. Эти последние требования составляют содержание социалистической революции и их предпосылкой является диктатура пролетариата» (32, сс. 152 – 153). И далее он перечисляет эти требования, «которые не примиримы с частной собственностью на средства производства». Ими являются *8- часовой рабочий день, государственная помощь безработным и национализация промышленности!* (там же).

Этим и доказывается, что *максималистские представления Троцкого о революции имели своей подосновой весьма минималистские представления о социализме, и что, субъективно вкладывая социалистическое содержание в буржуазную революцию, он в то же время вкладывал весьма буржуазное содержание в социализм.*

Социализм означает уничтожение капитализма, уничтожение системы, основанной на разделении труда и товарном производстве – не более и не менее. Это – не субъективное моральное пожелание, а единственное реальное содержание социализма как строя, объективно отрицающего капитализм и сменяющего его. Все, кто подменяет содержание социализма – уничтожение разделение труда и товарного производства – всевозможными социальными гарантиями, льготами и поощрениями, национализациями и демократизациями, все они под видом социализма отстаивают всего – навсего другую разновидность капитализма и содействуют сохранению последнего.

Как показал опыт 20века, 8 – часовой рабочий день, пособия по безработице и даже национализация промышленности, *«не примиримые с частной собственностью на средства производства»*, многократно вводились классом буржуазии, сохранявшим при подобной операции всю власть (нередко потом, опять – таки когда это требовалось интересами буржуазии, подобные меры с легкостью отменялись). Капиталистический строй оставался при этом целым и невредимым, пережив все национализации и социальные гарантии. Его уничтожит только грядущая **тоталитарная пролетарская революция**, которая сломает разделение труда и товарное производство.

Китайский пролетариат, к состоянию которого мы скоро перейдем, еще более слабый, чем российский пролетариат начала 20 века, тем более не мог установить свою *социалистическую* диктатуру. За что нужно было бороться с максимальной энергией – так это за «революционно – демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства», за союз китайского пролетариата не с буржуазией и помещиками, чьей партией и был Гоминьдан, но за *союз с крестьянством – и с мировым пролетариатом.* Союз пролетариата с

крестьянством развязал бы всю революционную энергию последнего, пробудил бы демона крестьянской войны, беспощадного террора против шэньши и капиталистов. Союз же с мировым пролетариатом, союз, которому победоносный китайский пролетариат предоставил бы все ресурсы огромной страны, ускорил бы мировую пролетарскую революцию, победа которой во много раз облегчила бы прохождение Китаем капиталистического чистилища и переход его к социализму.

Этого не случилось. И *глубинные причины* тому заключались не в «предательстве» ВКП(б) и Коминтерна (которые к тому моменту если уже и не перешли черту, отделяющую товарища, предательством которого можно возмущаться, от врага, на помощь которого нечего надеяться, то весьма близко подошли к этой черте), но *в незрелости и слабости как китайских «коммунистов» (на самом деле – мелкобуржуазных демократов), так и китайского пролетариата.*

После Октябрьской революции Троцкий предпринял попытку распространить теорию перманентной революции на все отсталые страны. В расширенном толковании эта теория гласила, что в отсталых странах туземная буржуазия из – за своей слабости и зависимости от западного империализма не способна возглавить буржуазную революцию и довести ее до победы, поэтому это сделает туземный пролетариат, после чего революция, перекинувшись на развитые капиталистические страны, перерастет в мировую. Комически – карикатурные формы эта теория приняла у последующих троцкистов, которые предпочитали не из изучения реальных революций во второй половине 20в. заключать о их характере, но из априорных схем о неспособности буржуазии и способности пролетариата причислять данные революции к пролетарским и социалистическим, даже если пролетариат в данных странах почти отсутствовал. Мнимый радикализм являлся личиной реального оппортунизма, утверждение, что невозможна никакая революция, кроме социалистической, служило предлогом для оценки в качестве социалистических революций буржуазных, для зачисления буржуазных диктаторов в разряд «пролетарских бонапартов» (теория «пролетарского бонапартизма» английского троцкиста Г. Гранта).

Маркс и Энгельс не раз повторяли, что развитие пролетариата обуславливается развитием капитализма и, следовательно, развитием буржуазии. Отсталость страны, неразвитость в ней современной капиталистической промышленности неизбежно означают отсталость и неразвитость пролетариата данной страны, невычлененность его из всей эксплуатируемой массы, его неспособность отстаивать свои классовые интересы и – тем более - быть гегемоном революции. Если неправильно представлять как надисторически – универсальную истину утверждение, что сильная буржуазия создает как противоположную силу сильный пролетариат, то тем более неверно выдавать за универсальную истину обратное утверждение, что слабость в данной стране буржуазии автоматически означает силу в ней пролетариата.

Китай в начале 20века был весьма отсталой страной: «Докапиталистические экономические отношения все еще преобладали не только в деревне, но и в городе – в мастерских мелких ремесленников и в лавчонках розничных торговцев... мелкое докапиталистическое производство, игравшее важную роль в промышленности и почти полностью охватывавшее сельское хозяйство, сосуществовало с крупным современным капиталистическим производством китайских и иностранных предпринимателей. Почти повсюду продолжали

царить экономические отношения, характеризовавшиеся узостью связей, потреблением всей продукции в том же округе или по крайней мере в той же провинции, в которой они были произведены. В 1919г. еще не сложился национальный рынок..." (34, сс. 42 – 43).

Промышленные рабочие в 1919г., по подсчетам Шэно, составляли 1,5 млн человек (там же, сс. 80 – 81) – меньше 0,5% населения (там же, с.86). Они были сконцентрированы в 6 изолированных друг от друга районах, за пределами которых можно насчитать не более 50 – 75 тыс. промышленных пролетариев. Этими 6 районами были: 1). Манчжурия; 2). Провинция Чжили; 3). Провинция Шаньдун; 4). Шанхай с окрестностями; 5). Провинции Хунань и Хубэй; 6). Провинция Гуанчжоу (Кантон). Три первые района находились в Северном Китае, и их пролетарии почти не затронуты подъемом пролетарской борьбы 1919 – 1927гг., - кроме железнодорожников Чжили, до того как их забастовка была расстреляна северокайским милитаристом У Пейфу 7 февраля 1923г. (см. 34, сс. 80 – 87, 205 – 210).

В Шанхае преобладала легкая, текстильная промышленность, где 90% рабочих были женщинами, а в шелковой промышленности – все 99%, причем половина из них – маленькие девочки (17, с.64). В Кантоне резко доминировали мануфактура и мелкие мастерские, существовали сильно развитые цеховые традиции. Из промышленных районов Южного Китая только в Хунань – Хубэйском районе имелась сколько –нибудь развитая тяжелая промышленность. (34, сс. 205 – 210).

Китайский пролетариат был молодым классом – и по возрасту большинства рабочих, и по времени своего существования. Подавляющее большинство рабочих были выходцами из деревни, сохраняли с ней тесные связи и возвращались в нее при первой возможности. Отсутствовали собственные классовые традиции, почти отсутствовало классовое (в противоположность национальному или даже провинциальному) сознание. Чрезвычайно низкий жизненный уровень, изматывающий многочасовой труд, никудышная охрана труда, полусредневековая зависимость от хозяев, мастеров и посредников по найму – все это толкало на протест и борьбу, но само по себе не гарантировало выдержанность и классовую направленность борьбы. Китайский пролетариат сам по себе был субъектом луддитских бунтов («*да шан*» – **слопать фабрику** – было специальным названием для стихийных рабочих выступлений (34, с.184)) и благодатной почвой для революционной агитации извне, но не субъектом сознательно – революционной классовой борьбы. Стремление «**слопать фабрику**» могло стать почвой, где революционно – коммунистическое вмешательство извне вырастило бы прекрасное революционное сознание, но вместо революционно – коммунистического вмешательства на деле имело место буржуазно – националистическое вмешательство – со стороны разных сил, от гоминьдановцев до коммунистов и даже ...анархистов.

Двое последних, Хуан Ай и Пэн Жэнь – цюань, создали в конце 1920г. Общество трудящихся Хунани, программа которого включала воссоединение страны и ...*восстановление национальной чести!* Более того, это возглавляемое анархистами общество отличалось не только буржуазным национализмом, но и добуржуазным провинциализмом, *активно участвуя в компании против найма на хлопчатобумажную фабрику рабочих из соседней провинции Хубэй и требуя высылки этих рабочих назад!* (34, сс. 230 – 231).

Если мы вспомнили эту давно забытую историю, то не для того, чтобы бросить камнем в анархистов из фракционных «ленинистских» интересов, но чтобы

показать, сколь мало идеологические пристрастия и самоназвания значат по сравнению с реальной стадией общественного развития, и что даже «либертарный коммунизм» не мог ничего поделать с созданным объективными условиями низким уровнем классового сознания пролетариата, низким уровнем, всего лишь выразителями, а не создателями которого были – Хуан Ай и Пэн Жэн – цюань, в начале 1922г. казненные хунаньским дучюнем (34, с.245) и ставшие мучениками буржуазной революции.

Развитие капитализма в Китае осуществлялось под воздействием внешнего толчка и в немалой степени на иностранные капиталы. В 1919г., по подсчетам Шэно, на предприятиях, принадлежащих иностранному капиталу, работало 655 тыс. китайских промышленных рабочих из общего числа 1489тыс. (34, с.81). Тот факт, что капиталистом, эксплуатировавшим больше 40% китайских рабочих, выступал иностранный капиталист, делал этих рабочих весьма podatливыми на пропаганду своих китайских капиталистов.

По словам Делюсина, «... не все рабочие понимали сущность антиимпериалистической борьбы. Для многих из них она означала борьбу только против иностранных эксплуататоров. *Антиимпериалистическая пропаганда подменялась антииностранной, в результате чего она окрашивалась в национальный и даже в националистический цвет, а социальный смысл ее затушевывался, терялся*». (4, с. 79). О том же говорит Акатова: «Эксплуатация рабочих иностранными предпринимателями воспринималась в первую очередь как национальное порабощение. Национальное самосознание значительно опережало сознание классовое... *Политическая брбь рабочих с общенациональными требованиями значительно опережала их экономическую борьбу за свои требования*» (25, сс. 142 – 143).

Слабость классового сознания, низкий уровень борьбы рабочих за свои собственные требования и с своей собственной – коммунистической – программой ничуть не исчезают от размаха, решительности и героизма их борьбы за «национальные» интересы – т.е. за интересы китайской буржуазии. Как пишет Акатова, «Слабость и недостаточная решительность китайского пролетариата в отстаивании (и даже постановке) своих классовых требований сочетались с поразительными по силе примерами гражданского, национального мужества в освободительной борьбе [!!!]» (25, с. 125), т.е. в борьбе за освобождение китайского капитала от неравной конкуренции с иностранным капиталом!

Общая черта всех буржуазных революций состоит в том, что сражаются и кладут головы в них пролетарии и полупролетарии, плоды же героической борьбы достаются буржуазии. По уровню классовой самостоятельности от буржуазии, по степени отстаивания своих собственных требований китайский пролетариат в революции 1925 – 1927гг. уступал не только пролетариату в Октябрьской революции (тут и сравнения быть не может!), но даже французским пролетариям и полупролетариям времен Великой французской революции.

Одним из признаков низкого уровня классовой самостоятельности китайского пролетариата был тот факт, что «основную роль в руководстве китайским рабочим движением играли интеллигенты – коммунисты, которых партия направила на профсоюзную работу» (34, с.482), прежде всего Дэн Чжунся, Ли Лисань и Лю Шаоци (там же).

При всей реакционности интеллигентофобии и рабочизма нужно помнить, что толпа несознательных рабочих, ведомая интеллигентским пастырем (как и

пастырем из бывших рабочих) является чем угодно, но не освободительным движением пролетариата, движением, которое, конечно, включает в себя и *порвавших с буржуазным миром* интеллигентов, но не как пастырей и поводырей, а как равных товарищей. Сила большевиков заключалась не в Ленине, Зиновьеве, Бухарине и еще 2 – 3 десятках писучих интеллигентов, а в нескольких тысячах передовых рабочих – большевиков – лучших борцах своего класса, хотя Ленин, Зиновьев и Бухарин, из – за своей писучести и говорливости запомнились истории куда больше, чем Каюров или Шляпников. На самом деле вся сила Ленина состояла в том, что он умел формулировать то, что чувствовали передовые рабочие – большевики (в иллюстрацию можно привести прелестные воспоминания В. Каюрова, как он и Ленин в 1918г. одновременно додумались до идеи продразверстки).

Китайская Компартия, несмотря на все усилия, так и не укоренилась достаточно в рабочем классе – как из – за большей отсталости последнего сравнительно с российским пролетариатом, так даже из – за нехватки времени. Из руководящего ядра КПК к кадровым пролетариям относился, пожалуй, только матрос Су Чжаочжэнь. Партия так и не достигла внутри себя органического слияния рабочих и интеллигентов и делилась на 2 этажа: наверху – интеллигентское руководство, разделенное на группировки – объединяющим принципом в которых, для полного счастья, служила даже не идейная близость, а всевозможные личные причины, - группировки, удерживаемые в определенных пределах только авторитарной дисциплиной; внизу же – рабочие, по словам представителя коминтерна на Шестом съезде КПК в 1928г. понимавшие дело так, что *«партия – предприниматель, а рабочий – это рабочий, которому партия платит жалование и отдает приказы»* (23, с. 62. Для понимания внутренней природы КПК данного периода эта книжечка А. В. Панцова представляет немалый интерес).

Подчиненность пролетариата «антиимпериалистической борьбе» китайской буржуазии имела еще одно – и самое главное – последствие. *Она делала невозможным блок пролетариата с крестьянством в революции и тем самым – гегемонию пролетариата в революции.*

Для китайского рабочего, работавшего на фабрике иностранного капиталиста или даже на фабрике китайского капиталиста, но видевшего на городском саду вывеску *«Собакам и китайцам вход воспрещен»*, иностранный империализм был непосредственным очевидным врагом. Для крестьянина, особенно для крестьянина китайской глубинки, иностранные империалисты были абстрактными «заморскими дьяволами», а реальным, во плоти и крови, врагом, был патриотический шэньши, вкладывавший толику средств, содранных с крестьянина, в развитие национальной промышленности, и иногда имевший сына – офицера Народно – революционной армии, толкавшего непонятные для крестьянина речи о борьбе с мировым империализмом. Как пишет Делюсин, *«...происходившие в то время крестьянские мятежи проходили под лозунгами не национальными, а социально – экономическими. Крестьяне требовали не изгнания империалистов, а снижения арендной платы... Крестьянство не проявляло горячего стремления участвовать в национальной революции и даже, по мнению отдельных коммунистов, враждебно относилось к ней.* Ведь война увеличивала и без того тяжелое бремя крестьян... *Гоминьдановцы, как правые, так и левые, хотели, чтобы крестьянство кормило национальную революцию, не получая ничего взамен. Крестьяне же [из-за упорного антипатриотического*

материализма – М.И.] *не хотели работать даром даже на революцию*”. (4, сс. 93, 123, 149).

Для китайского буржуа, тесно связанного с землевладением, революция должна была быть “антиимпериалистической” революцией, революцией, которая выгонит могущественных заморских конкурентов и предоставит весь прибавочный труд китайских рабочих и крестьян в распоряжение их отечественных хозяев. Для китайского крестьянина революция имела смысл, лишь если бы она стала бы антифеодальной революцией, уничтожением шэньши, не взирая на их высокий патриотизм и связи с китайской буржуазией. Китайские “коммунисты”, более близкие к патриотическим буржуа и даже к патриотическим землевладельцам, чем к грубо – материалистическим крестьянам, не желавшим “бесплатно работать на революцию”, “на первый план выдвигали антиимпериалистические, а не антифеодальные задачи революции” (4, с. 64) и если и создавали крестьянские союзы, то “для борьбы с врагами национальной революции, а не для борьбы с помещиками” (4, с. 135). А *“китайский пролетариат не был достаточно силен, чтобы даже повлиять на партию, выступавшую от его имени”* (4, с. 200).

Могла ли стать авангардом буржуазной революции сама китайская буржуазия? Еще китайские “коммунисты” 1920-х годов рассматривали китайскую буржуазию как ничтожную силу по сравнению с иностранным империализмом, с одной стороны, китайским пролетариатом, с другой, силу, чуть ли даже не лишенную самостоятельных классовых интересов, во всяком случае, не осознающую их и не умеющую их активно отстаивать. Эту якобы глупую и бессильную китайскую буржуазию лидеры Советского Союза, Коминтерна и КПК надеялись водить на веревочке, между тем как на самом деле *“в то время как Компартия строила планы использования буржуазии, военно – политическая верхушка Гоминьдана уже использовала коммунистов в своих интересах, одновременно сдерживая и контролируя их деятельность”* (4, сс. 199 – 200).

Была ли китайская буржуазия революционным классом? И было ли ее поведение в буржуазной революции некой национальной особенностью или же являлось общим с политикой в буржуазной революции буржуазии других стран?

Как уже говорилось выше, китайская буржуазия была заинтересована в “антиимпериалистической” революции, которая заставила бы ее западных конкурентов если и не уйти совсем из Китая (что представляло собой недостижимый идеал), то во всяком случае сильно потесниться. Точно так же китайская буржуазия была заинтересована в объединении Китая, после 1911г. распавшегося на фактически самостоятельные владения князьков – дуцзюней, чьи беспрерывные войны и поборы сильно мешали нормальному ходу капиталистического бизнеса.

В чем китайская буржуазия никак не была заинтересована – так это в радикальной аграрной революции, в уничтожении феодального землевладения – как в силу своего переплетения с последним, так и из страха, что за посягательством на феодальную собственность последует посягательство на собственность буржуазную.

Такая позиция китайской буржуазии не представляла никакой китайской или даже восточной специфики – в отличие от того, что думают троцкисты, для которых буржуазия была революционной в буржуазных революциях на Западе, но неревolutionной в революциях (каких?) на Востоке. Это поведение было

общим поведением крупной и средней буржуазии во всякой буржуазной революции. Буржуазия, как собственнический и привилегированный класс, старалась, уничтожив от старого порядка столько, сколько ей необходимо было уничтожить, сохранить от него столько, сколько можно было сохранить. Это характеризовало поведение крупной буржуазии даже в столь радикальной буржуазной революции, как Великая Французская революция, которая стала столь великой и радикальной не из – за мнимого радикализма крупной буржуазии, не желавшей идти дальше конституционной монархии, но из – за высокой степени классовой самостоятельности плебейства – пролетариата и полупролетариата.

При этом нельзя забывать о разнородности буржуазии, различные группы которой расходились в том, насколько далеко были готовы идти в борьбе с феодализмом. Так, в Великой французской революции высшая финансовая буржуазия, тесно связанная с аристократией, политическими представителями которой были фейяны, строго не хотела выходить за пределы конституционной монархии и сочла революцию законченной после 14 июля 1789г. Крупная торговая буржуазия юга и юго - запада Франции, чьи интересы отстаивали жирондисты, готова была идти несколько дальше – до олигархической республики. Средняя и мелкая буржуазия, а также новая крупная буржуазия, разбогатевшая во время революции (на спекуляциях конфискованной у церковью земель, поставках в армию и т.п.) была готова идти еще дальше – вплоть до уничтожения феодального землевладения – и заключить союз – временный и непрочный – с плебейством. Выразителями интересов и настроений этих групп буржуазии были якобинцы.

Необходимость дифференцировать поведение в буржуазной революции разных отрядов буржуазии станет ясна на примере китайской революции 1946 – 1949гг., когда *неолигархическая китайская буржуазия поддержала КПК против Гоминьдана*. О причинах этого мы скажем дальше.

Китайская буржуазия, на костях и крови рабочих и крестьян, достигла немалой части своих целей в революции 1925 – 1927гг. Иностранцы империалисты должны были серьезно потесниться, и часть дуцзюней (хотя далеко не все) изгнана. Но до осуществления капиталистической трансформации Китая было еще далеко, и буржуазная революция отнюдь не закончилась. ..

Общая расстановка социальных классов в Китае совершенно не зависела от ВКП(б) и Коминтерна, которые не были виновниками слабости ни китайского пролетариата, ни китайского “коммунистического” движения, которое не достигало даже до революционного народничества, и вожди которого, Чэнь Дусю и Ли Дачжао пребывали где – то на уровне Герцена и Белинского. Праздным занятием было бы измышлять, через какую драматическую интригу классовая борьба в Китае в конечном счете пришла бы к тому же самому результату, не будь на земле СССР и Коминтерна. В реальной истории – единственной, которую мы знаем, именно вмешательство СССР и Коминтерна, подчинивших Компартию Китая Гоминьдану, свело между собой протагонистов китайской трагедии и открыло возможности путь к реализации в действительность. Детерминизм и фатализм марксизма не превращают пролетарских революционеров, теорией которых является марксизм, в хладнокровных наблюдателей, равнодушно внимающих добру и злу. Мы боремся не за внеисторическую справедливость, а за освобождение пролетариата, и хотя классовые враги, предатели и ядовитые змеи не виноваты,

что они такие, , уничтожить их все равно придется – не за их моральную вину, а чтобы не преграждали дорогу.

Если и можно считать, что путь к катастрофе начался с серии ошибок, совершенных Коминтерном (таких, как ошибка Сневлиета, первым предложившего идею о вступлении КПК в Гоминьдан), то сохранение и закрепление данной политики не может быть объяснено субъективными ошибками, но классовыми интересами московской госбуржуазии. Об этом мы уже говорили выше.

Идея о вхождении КПК в Гоминьдан, выдвинутая Коминтерном, столкнулась с упорным сопротивлением как КПК, так и руководства Гоминьдана. “Только в результате настойчивых советов со стороны представителей Коминтерна Чэнь Дусю и другие руководители КПК *постепенно смирились* [!!!!] с необходимостью установления сотрудничества с Гоминьданом. .. Также пришлось долго уговаривать Сунь Ятсена. Когда Маринг [псевдоним Сневлиета – М.И.] впервые заговорил об этом [т.е. о вхождении коммунистов в Гоминьдан – М.И.] с Сунь Ятсеном, тот категорически отверг это предложение” (4, с.54).

В конце концов Сунь Ятсен все же согласился принять в Гоминьдан коммунистов, которых он “надеялся использовать как посредников в связях с Москвой. КПК в то время еще не приобрела авторитета среди рабочих и крестьян страны и не пользовалась на практике их поддержкой. Ее политическое значение в глазах Гоминьдана определялась лишь наличием у нее прочных связей с Советским Союзом и Коминтерном. Принятие ее в Гоминьдан было своеобразной платой за помощь, которую он надеялся получить от Советского Союза. Союз с КПК Сунь Ятсен и другие лидеры Гоминьдана рассматривали не как равноправное сотрудничество, а как полное подчинение КПК руководству Гоминьдана” (4, с.55).

Впрочем, в лице “коммунистов” Гоминьдан получил намного больше, чем только посредников в связях с Москвой, посредников, нужных ему как собаке пятая нога. На самом деле “коммунисты” стали самоотверженными, энергичными и бескорыстными вербовщиками пролетариата и крестьянства на службу “национальной революции”, т.е. китайским помещикам и буржуазии, неоценимым орудием подчинения пролетарского и крестьянского движения буржуазно – помещичьей партии – Гоминьдану.

Если бы самоотверженный энтузиазм, с которым активисты КПК организовывали рабочих и крестьян – подчиняя их Гоминьдану – служил бы самостоятельной классовой организации рабочих и крестьян, результаты были бы совсем иными... Пэн Бай, пожалуй, самая привлекательная фигура в КПК 1920 – х гг., сын богатого помещика, упорной и неотступающей работой, после непонимания и насмешек (“Чего нашему барчуку надо? Наверно, умом тронулся?”) сумевший завоевать доверие крестьян до такой степени, что они считали его очередным воплощением Будды (18, с.48), а гоминьдановцы прозывали его не иначе, как “великим царем крестьян” (4, с. 66) и накануне казни в предсмертной записке из гоминьдановского застенка предлагавший восстановить в КПК только что в 1929г. исключенных из нее троцкистов (см.7, русский перевод книги Г. Исаакса) – Пэн Бай если и не был большевиком, то революционным народником был точно. Беда в том, что его усилия, усилия сотен и тысяч активистов КПК, из-за ее общей политики, подчиняли поднимавшихся на борьбу рабочих и крестьян их эксплуататорам, а когда эта политика претерпела крутой поворот, было уже слишком поздно.

Одним из основных аргументов в пользу вхождения КПК в Гоминьдан было то, что будто бы у нее, в силу ее крайней слабости, просто не было другого выхода, если только она хотела из пропагандистской группы превратиться в политическую силу. Слабость КПК в начале 1920-х гг. не подлежит сомнениям. Вопрос в том, намного ли сильнее был тогда Гоминьдан.

До его реорганизации в 1923 – 1924 гг. с незаменимой поддержкой советских и китайских коммунистов Гоминьдан представлял собой коалицию разношерстных элементов – от буржуазных революционеров вроде Ляо Чжункая до гуандунских милитаристов – коалицию, с величайшим трудом удерживаемую от распада усилиями и личным авторитетом Сунь Ятсена и не имевшую ни силы, ни авторитета за пределами провинции Гуандун. *Главной партией китайских имущих классов сумевшей подчинить своему контролю классы неимущие, Гоминьдан стал единственно и исключительно трудами КПК и Коминтерна.*

Со всей самоотверженностью и энтузиазмом активисты молодой КПК бросились в работу по организации рабочего и крестьянского движения. Но т.к. “коммунисты в сельской местности выступали, как правило, от имени Гоминьдана” (4, с.166), а в городах отстаивали союз с китайской буржуазией во имя национальной революции, все результаты этой работы доставались Гоминьдану, и работа по организации крестьянства и пролетариата в конечном итоге оборачивалась против крестьянства и пролетариата, содействуя их подчинению китайской буржуазии.

По словам одного советского историка, который, скорее всего, сам не понял, что он говорит: “В работе по развертыванию движения народных масс Ляо Чжункай тесно сотрудничал с членами КПК. Сферы их деятельности были строго ограничены. *Левые* [гоминьдановцы – М.И.] *во главе с Ляо Чжункаем осуществляли общее руководство... Функции коммунистов сводились к ежедневной черновой работе...*” (27, с.76).

Итогом “ежедневной черновой работы”, которую китайские мелкобуржуазные демократы, называвшие себя коммунистами, проводили в пользу китайских помещиков и буржуазии, стало то, что когда последние сочли свои цели в революции в основном достигнутыми и начали беспощадным террором усмирять рабочих и крестьян, то “*Рабочие не только не были вооружены и организованы для отпора контрреволюционному наступлению гоминьдана, но и не были готовы к этому психологически... Коммунисты, организуя в годы революционного подъема рабочих под флагом Гоминьдана, тем самым создавали последнему революционную славу. Многие рабочие не понимали разницы между КПК и Гоминьданом.*” (1, сс. 28 – 29).

Став с помощью СССРовских советников централизованной и дисциплинированной партией, поставив с помощью китайских “коммунистов” под свой контроль рабочее и крестьянское движение, получив от СССР современное оружие и создав с помощью СССР сравнительно современную армию, Гоминьдан смог в середине 1926г. начать вожделенный Северный поход, с помощью которого должна была быть реализована мечта китайской буржуазии – уничтожение власти местных князьков – дучзюней и объединение Китая. Сам по себе Северный поход был обыкновенным военным предприятием – весьма успешным военным предприятием. Как пишет Делюсин, “Население районов, очищенных от северных милитаристов, было освобождено из – под власти одних генералов другими генералами (а зачастую и генералы остались прежними) [только признали верховную власть Гоминьдана – М.И.]. В

народных массах не возникло чувство собственной силы, сознание того, что они были вершителями перемен. Они продолжали по – прежнему ощущать свою зависимость от власти (военной или гражданской), стоявшей над ними” (4, с. 235).

Однако, независимо от намерений гоминьдановских генералов, война подтолкнула революцию. Драка между собой господ ослабила их контроль над рабами и развязала рабам руки. Гоминьдановцы, стремясь ослабить своих противников, волей – неволей должны были по крайней мере с благожелательным нейтралитетом относиться к крестьянскому движению на территориях, контролируемых последними, а выбив этих противников с их территорий, не успевали там сразу установить свой собственный всесторонний контроль. Власть зашаталась, и сразу же крестьянское движение хлынуло бурным потоком, достигнув в апогее – в апреле – июле 1927гг. в провинциях Хунань и Хубэй уровня настоящей крестьянской войны, беспощадного аграрного террора.

Тут – то буржуазно – помещичий Гоминьдан и понял, что враг – не справа, а слева. Ведь *“Многие деятели Гоминьдана сами жили за счет ренты, получаемой с земли, и осуществление аграрной революции затрагивало их интересы”* (5, с. 39). Аналогично феодальными землевладельцами были в большинстве своем и гоминьдановские генералы.

После нескольких неудачных восстаний рабочие Шанхая захватили город, но, веря в “национальную революцию” и ее вождя – Чан Кайши – преподнесли ему Шанхай на блюдечке. Чан Кайши, в благодарность, лишь только накопил силы, через 2 недели учинил безжалостную резню верившим в него шанхайским пролетариям. После этого переворота в апреле 1927г. советские и китайские “коммунисты” перенесли свои упования на конкурировавшее с Чан Кайши левогоминьдановское правительство в г. Ухане, контролировавшее провинции Хунань и Хубэй, те самые, где крестьянская война достигла наибольшей силы. Вместо того, чтобы возглавить эту войну, свергнуть буржуазно – помещичью власть Гоминьдана, установить революционно – демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, злосчастные герои “национальной революции”, мелкобуржуазные демократы из КПК, под руководством своих СССРовских наставников, сдерживали и осуждали крестьянские “эксцессы”, вслед за уханьскими гоминьдановцами именуя восставших против векового гнета крестьян “агентами Чан Кайши” (4, с.305).

Но попытки надеть на бунтующих крестьян и бастующих рабочих узду мирными средствами были безуспешны. Бунтующими крестьянами и восстающими рабочими двигала не “коммунистическая пропаганда”, а желание *есть и не гнуть спину*. Чтобы загнать восставших рабов на старую каторгу, недостаточно было речей гоминьдановских и “коммунистических” вождей, требовались более серьезные средства – средства *беспощадного белого террора*. После некоторой растерянности и головокружения «левый Гоминьдан» сделал свой выбор. 15 июля КПК была окончательно запрещена в Ухане – несмотря на все свои старания быть хорошей и буржуинской, несмотря на усилия «коммунистического» министра земледелия в Уханьском правительстве по обузданию крестьянского движения и несмотря на добровольную сдачу оружия рабочими пикетами по приказу КПК. Воцарился белый террор.

Делюсин, бывший консультант Отдела ЦК КПСС по связям с «коммунистическими» партиями «социалистических» стран, чьи книги все же являются лучшими в СССРовской литературе о революции 1925 – 1927гг.,

упрекает КПК, у которой иногда прорывались грозные звуки, не сопровождавшиеся грозными делами, а потому пугавшие, но не запугивавшие, что она была все же чрезмерно радикальна, и когда в Ухане после переворота Чан Кайши нужно было «либо идти на пролом, либо идти на компромисс» (4, с.265), она не сделала ни того, ни другого, а потому и была разбита.

Чего – чего, а готовности «идти на компромисс» у КПК было предостаточно. Но компромисс оказался невозможным. Когда поднялся класс на класс, утопией являются все надежды примирить и согласовать их интересы посредством хитроумных сделок. Между имущими, желающими по – прежнему наживаться на чужом труде, и неимущими, восставшими, чтобы отстоять свой труд от посягательств имущих, нет и не может быть тогда компромиссов. Исход борьбы между ними может быть решен только перевесом силы, новое общественное равновесие может быть установлено только диктатурой одной из сторон. Жалкие люди, желающие замазать эту борьбу, уговаривая обездоленных и угнетенных умерить свои требования и пойти на компромисс (почему – то эти добрые люди никогда не обращаются с такими уговорами к богатым и властным) - все эти жалкие люди только опьяняют угнетенных примиренческими фразами и подводят их, опьяненных, под топор угнетателей. Искренний защитник трудящихся классов, видя неизбежность смертельной борьбы и диктатуры, должен содействовать организации силы угнетенных и установлению их диктатуры, которая, при всех своих «эксцессах», будет куда гуманнее хладнокровного террора собственнических классов.

320 тысяч рабочих, крестьян и левых интеллигентов были казнены гоминьдановцами только с апреля 1927г. до июня 1928г. (1, с.17). Палач с мечом, рубящий головы прямо посреди уличной толчеи, под надежной охраной солдат, стал обычной фигурой на улицах китайских городов. Несмотря на сладкое национальное пение КПК, китайская буржуазия увидела в рабочих стачках и крестьянских бунтах страшный призрак коммунистической революции, и пыталась забыть об этом призраке, опьяняясь пролетарской кровью.

То, что последовало дальше, история трансформации КПК из партии, не без успеха пытавшейся укорениться в рабочем классе и – без успеха – пытавшейся быть марксистской партией, в партию крестьянской войны и буржуазной модернизации, являлось событием, фатальность которого можно было предсказать, но нельзя было изменить. Русская государственная буржуазия, проиграв войну с западным империализмом в союзе с Гоминьданом, решила повести эту войну и против Гоминьдана, тем более, что за такой резкий поворот платить бы ей пришлось только чужими головами. Китайские «коммунисты» – а равным образом революционные рабочие и крестьяне, в свою очередь, не могли не солидаризоваться с таким поворотом – если не хотели быть покорными баранами, без сопротивления идущими на бойню. На гоминьдановский террор они не могли не ответить восстаниями и террором, не могли не попытаться переиграть уже проигранную революцию. Господство тотального террора в городах, раздавленность и апатия городского пролетариата толкали «коммунистов» в деревню – вооруженная партизанская война стала для них единственным средством самосохранения. В свою очередь, эта вооруженная партизанская война усиливала гоминьдановский террор и изоляцию «коммунистов» от рабочего класса. Итогом стало перерождение партии.

Исчезновение старого, революционного (хотя и в буржуазном смысле) пролетариата 1919 – 1927гг. и замена его новым сырым классом в себе были

следствием как гоминьдановского террора, так и экономических процессов. Как уже говорилось выше, от белого террора только с апреля 1927г. по июнь 1928г. погибло 320 тыс. революционеров, а белый террор отнюдь не прекратился в июне 1928г. Разумеется, среди казненных гоминьдановскими палачами пролетариев были не штрейкбрехеры и хозяйские лизоблюды, а наиболее мужественные и сознательные борцы своего класса. Тем, кто не желал склонить голову, ее рубили, остальными овладевал страх. Как отмечает Т.Н. Акатова, в 1927 – 1937гг. произошло «ухудшение» качественного состава рабочего класса (1, с.5), вызванное как гибелью его передовых борцов, так и огромной безработицей, свирепствовавшей в этот период. Когда экономический кризис сменился экономическим подъемом, продолжавшимся и в период антияпонской войны 1937 – 1945гг., этот подъем создал новый рабочий класс, который состоял в подавляющем большинстве своем – как на созданных Японией предприятиях тяжелой промышленности в Манчжурии, так и на в основном мелких предприятиях гоминьдановских районов (Северо – Западный Китай, где в это время базировалась КПК, был самым отсталым, аграрным районом) – из только что пришедших из деревни рабочих, лишенных опыта классовой борьбы даже в масштабе, накопленном китайскими пролетариями к 1927г. Ему все предстояло все учить заново, и в борьбе КПК и Гоминьдана в 1940-е годы он был только любопытствующим зрителем.

В условиях страшного белого террора и полицейского контроля в городах, раздавленности пролетариата как этим террором, так и экономической депрессией попытки *троцкистов* и *лочжанлуновцев* придать пролетарский характер коммунистическим группам, сохранить связь с рабочим классом, признав факт поражения революция и сконцентрировавшись на борьбе за защиту непосредственных экономических интересов рабочих, эти попытки, при всей их привлекательности, были обречены на неудачу – что и показала как история троцкистских групп, так и трагическая история возглавленной Ло Чжанлуном оппозиции в КПК.

Эта оппозиция последней группы активистов КПК, сохранявшей связь с рабочим классом (в Шанхае), в 1930-1931гг. выступила против нелепого путчизма тогдашнего лидера КПК Ли Лисаня (последний принял за чистую монету заявления вождей Коминтерна о том, что с Великой Депрессией пробил последний час капитализма, но, превращенный в козла отпущения, сразу покаялся). Ло Чжанлун, Хэ Мэнсюн и их товарищи требовали проведения нового съезда партии, признания факта поражения революции, отказа от «Советов» и «Красной армии» и концентрации сил на экономической борьбе рабочих. Исключенные из КПК, они организовали свою конференцию, во время которой все ее 23 делегата были арестованы гоминьдановской полицией и сразу расстреляны. *По упорно ходившим в КПК слухам они были выданы полиции ставленником Москвы в рядах партии, Ван Мином* (см. 7).

История троцкистского движения в Китае отличалась большей продолжительностью и масштабом.

Первыми китайскими троцкистами стали некоторые студенты Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) в Москве еще в 1927г. Высланные обратно в Китай (те, троцкистские настроения которых стали известны) или вернувшиеся туда по партийной линии и проявившие себя троцкистами уже в Китае, они образовали 3 троцкистские группы, разногласия которых сводились больше к личным склокам. Вскоре, в 1929г. с работами *Левой Оппозиции* знакомится и о солидарности с ней заявляет основатель КПК

Чэнь Дусю, изображаемый к тому времени партийным официозом как главный виновник поражения революции. Он и его товарищи (Пэн Шучжи, Чжэнь Шаолин и др.) исключаются за это из КПК и создают 4-ю троцкистскую группу.

В 1931г. происходит успешная объединительная конференция этих троцкистских групп, но сразу после нее почти все ее участники арестованы. Происходит страшный разгром, некоторые из арестованных, не выдержав чудовищных пыток, выдают всех, кого могут. На свободе остается лишь небольшое количество активистов, включая Чэнь Дусю, который, однако, арестован в следующем году. На суде он держался как мужественный и бескомпромиссный буржуазный демократ, и обвинение в планах разрушить китайское государство отбивал тем, что «государство – это общность территории, населения, суверенитета» (37, р. 99), поэтому его разрушают те, кто собирается капитулировать перед Японией.

Когда в 1937г. был восстановлен союз КПК и Гоминьдана, одним из условий которого было освобождение арестованных коммунистов, гоминьдановские вожди решили запустить новоиспеченным союзникам ежа за пазуху и освободили заодно и троцкистов, сделав вид, будто не знают, что последние давно уже исключены из КПК. Чэнь Дусю после этого отходит от троцкистского движения и фактически возвращается на позиции радикальной буржуазной демократии, троцкистское же движение, разделенное на несколько групп, продолжает борьбу.

В этот период антияпонской войны некоторые из них пытались вести свою войну. В Гуандуне рабочий – троцкист Чэн Чжонси организовал партизанский отряд, в Шаньдуне партизанский отряд в 3 тысячи человек организовали бывший ученик КУТВа Ван Чанго и его жена Чжан Санджи. Первый отряд был разбит японцами, второй – маоистами (35, pp. 700 – 701). Маоизм был куда более подходящей идеологией для крестьянского партизанского движения, чем троцкизм.

Троцкистская группа во главе с Ван Фаньси, в отличие от большинства троцкистов, «критически поддерживавших» правительство Чан Кайши в войне с Японией, решила, что после вступления США в войну эта последняя приобрела империалистический характер со всех сторон, т.к. правительство Чан Кайши является лишь марионеткой американского империализма (37, р.38). Тем самым группа Ван Фаньси приблизилась к Рабочей Партии США – левому отколу от троцкизма во главе с Максом Шахтманом. Как и Шахтман, Ван Фаньси сперва считал установившийся в Китае в 1949г. строй «бюрократическим коллективизмом». Потом он, правда, вернулся на ортодоксально – троцкистские позиции. Ван Фаньси умер в Лондоне в декабре 2002г. в возрасте 95 лет, до конца жизни считая себя марксистом и революционером. Так же очень долгую жизнь прожил и сохранил верность своим убеждениям Чжэн Шаолин. В отличие от Ван Фаньси, накануне прихода КПК к власти уехавшего в Гонконг (и депортированного оттуда в Макао), он остался в Китае, вместе с другими троцкистами был арестован в 1952г. и провел 27 лет в маоистских тюрьмах.

При всем уважении к троцкистам первого призыва, когда троцкизм оставался еще революционной оппозицией сталинизму, а не превратился в его охвостье, их обреченность бросается в глаза. Они появились в Китае на 8 лет поздно или на 75 лет рано. Если бы политика КПК с самого начала была политикой отстаивания классовой независимости пролетариата и гегемонии его в буржуазной революции, тогда вся революция 1925 – 27гг. развивалась бы по-

иному. Но этого «бы» не было – и быть не могло. Теперь же, после поражения революции, троцкисты пытались быть партией пролетариата, когда пролетариат на долгие десятилетия сошел с политической сцены. Они не видели фатальность данной ситуации, не могли видеть и не могли поверить в нее, и потому пытались исправить дело безудержным тактицизмом, надеясь, что раздавленный старый пролетариат и новорожденный пролетариат новый можно поднять на борьбу, если придумать похитрее лозунги и тактику. Кончился такой тактицизм «критической поддержкой» Чан Кайши в войне с Японией, не говоря уже о «безоговорочной защите СССР».

В конце 20-х – начале 30-х годов образцом таких хитроумных лозунгов был лозунг Учредительного собрания. Дэн Яньда, редкостный в Китае честный мелкобуржуазный революционер, не входивший в КПК и казненный в 1931г. гоминьдановскими палачами, недоумевал, почему троцкисты, выступающие в Китае за *социалистическую* революцию, выдвигают лозунг *Учредительного собрания*, а сталинисты, выступающие за революцию *буржуазную*, выдвигают лозунг *Советов* (42). Как и подобает мелкобуржуазному демократу, он не понимал всей софистической изощренности гегелевой диалектики – и признаемся, что такое непонимание нам куда милей, чем хитроумие приверженцев казуистики Гегеля, Сталина и Мао...

Рассмотрим подробнее эволюцию КПК и ее отношения с крестьянством.

Крестьянство как класс в силу самих условий своей жизни способно к самоорганизации только на уровне своего села, самое большее – нескольких соседних сел. Именно масштаб в несколько сел был пределом для самых органических, т.е. не связанных с другими общественными группами, крестьянских движений. Крестьянские войны, охватывающие обширные районы, были невозможны без руководящего участия в них представителей более подвижных и инициативных групп. Так, масштабы, продолжительность и первоначальные военные успехи крестьянских войн на Украине и в России, отличающихся этими качествами от своих аналогов в Западной Европе, объясняются руководящим участием в них казачества. По словам Малухина, «История антифеодальных войн в Китае говорит о том, что крестьянство выступало, как правило, не по собственной инициативе, его выступлениями руководили не только крестьяне, да и сами выступления по характеру и целенаправленности были не только крестьянскими. Так, в восстании Ли Цычэна наиболее активными повстанцами были выходцы из городских низов, беглые солдаты, опальные люди и безземельные изгои феодального общества, обычно покидавшие родные места и укрывавшиеся в горах. Крестьяне же восставали только с приходом повстанческих войск» (17, сс. 37 – 38).

Не стало исключением и «коммунистическое» партизанское движение 1927 – 1929гг.: «Особенностью этой борьбы являлось то, что крестьянство в целом оставалось политически пассивным, инертным. Оно не превращалось в самостоятельную, самодеятельную политическую силу, способную полностью осознавать, сформулировать и отстаивать свои интересы. Выразителем его интересов была КПК, которая вела за собой крестьянские массы данной местности постольку, поскольку она обладала властью, опирающейся на вооруженные отряды... Китайское крестьянство в целом еще не достигло такой степени политического классового сознания, чтобы выступить в качестве активного фактора революционного процесса» (5, сс. 213 – 214).

Соответственно неумолимой логике разделения труда, руководящий слой – *организатор* крестьянства, сперва его *представлявший*, вскоре должен был его

подавлять, стать его эксплуататором. История 90 лет, казалось, прошла напрасно, история попыток разных классов осуществить модернизацию Китая, вернулась к тому же, с чего началась, и Мао Цзедун всего лишь осуществил то, в чем потерпели неудачу лидеры тайпинов.

Но на самом деле 90 лет протекли недаром, и капиталистическая трансформация Китая зашла к эпохе Мао Цзедуна намного дальше, чем в эпоху тайпинов. Руководство тайпинов очень скоро стало классом новых *феодалов*, аппарат же КПК стал ядром *класса государственной буржуазии*, класса, которому предстояло завершить капиталистическое преобразование Китая.

Конфискуя в «советских районах» землю *шэньши* и деля ее между крестьянами, КПК не только не уничтожила *капиталистическую эксплуатацию*, но и подтолкнуло рост последней, содействовало развитию товарных отношений (подробнее см. 7). Как партия нового эксплуататорского слоя, она пожертвовала крестьянскими интересами, отказавшись в середине 1930-х гг. от конфискации кулацкой, а вскоре и помещичьей земли (но не вернула уже конфискованные земли, чтобы не оттолкнуть крестьян!), дабы привлечь на свою сторону кулаков и шэньши в борьбе против таких конкурентов в деле эксплуатации крестьянского труда, как японский империализм и чанкайшистское правительство (примирение с последним в 1937г. было лишь перемирием).

Если этот правящий слой, ставший ядром класса новой государственной буржуазии, смог одержать верх над гоминьдановской государственной буржуазией и взять власть, то это было в том числе и потому, что он смог привлечь на свою сторону основную массу частной неолигархической буржуазии.

Гоминьдановский Китай был образцом государственного капитализма, не менее классическим, хотя и в другом роде, чем сталинский СССР. По подсчетам маоистских историков, пресловутые «4 семейства Китая» – главный объект маоистской критики – контролировали 70 – 80% промышленного капитала в Китае (8, с.544), при этом они, как и следует ожидать, были тесно связаны с государственной властью. Как пишет Меликсетов, *гоминьдановское государство выступало «своеобразным единством власти и собственности, политики и экономики, базиса и надстройки» (20, с. 253), а гоминьдановское правительство было «совокупным капиталистом» (там же, с.258).*

Мы уже видели, что первые современные промышленные предприятия в Китае строились в конце 19 – начале 20вв. на государственные средства высшими сановниками, которым фактически и принадлежали. Тесное сращивание и переплетение на ранних стадиях капитализма государства и капитала, огромная роль государства в процессе первоначального накопления капитала были свойственны не только восточному, но и западному капитализму. Глядя на всю историю мирового капитализма, мы увидим, что «свободно – конкурентный» капитализм Англии 19 века был не правилом, а исключением. Ему предшествовало активное участие государства в раннекапиталистической экономике, обычно именуемое меркантилизмом, за ним последовал империализм. Неравномерность развития мирового капитализма привела к тому, что отсталые страны вошли в фазу первоначального капиталистического накопления в то время, когда на Западе капитализм вступил уже в фазу империализма. Раннекапиталистическое сращивание государства и капитала в отсталых странах, совпав с их позднекапиталистическим сращиванием в передовых, усилилось во много раз.

Книга Меликсетова (20) дает множество примеров этого сращивания государства и капитала как в чанкайшистском Китае, так и в завоеванной японцами Манчжурии. Она убедительно показывает (хотя едва ли сам автор додумывал это до конца), что маоистско – дэнсяопиновский режим, далекий от того, чтобы быть продуктом коммунистической революции и ее вождем, всего лишь продолжил с большим успехом политику чанкайшистского режима и, в общем и целом, смог реализовать задачу, которую не выполнил последний – задачу капиталистического преобразования Китая.

Кроме того, из этой книги хорошо видно, до какой степени политика огосударствления была продиктована потребностями первоначального накопления капитала, независимо от того, божились ли проводившие ее режимы Лениным, Сунь Ятсеном или японскими богами – и до какой степени нелепо мнение сталинистов и троцкистов, что огосударствление само по себе содержит нечто «социалистическое» или «пролетарское».

Так, «самое ультраправое крыло японской военщины» активно прибегало к «антикапиталистической демагогии» и пыталось даже осуществить «коллективизацию» манчжурской деревни, (20, сс. 110, 152 – 153), чему упорно сопротивлялось отсталое мелкособственническое крестьянство, сорвавшее эксперимент по насаждению *императорского социализма*. Подобным же образом прочанкайшистская фашистская партия в Китае – «синерубашечники» – отстаивали «полный государственный контроль над хозяйственной жизнью, глобальное правительственное планирование, национализацию земли и «государственный социализм»» (там же, с. 60). Сам Чан Кайши был сторонником «производственного кооперирования» (иначе говоря, «коллективизации») деревни (там же, с.169). Губернатор Шанься Чн Сишань резко критиковал капитализм, мечтал о возрождении «древнего китайского социализма» и проводил меры радикального «первоначального бырократического накопления» (там же, сс. 101 – 107). Словом, если как в подъяпонском, так и в гоминьдановском Китае до «социализма» дело, пожалуй, не дошло (из – за сопротивления социалистическим попыткам японских генералов и китайских губернаторов со стороны реакционного мелкособственнического крестьянства и отстаивавшей частную собственность и рыночную конкуренцию...Компартии Китая), то «деформированное рабочее государство» и система «пролетарского бонапартизма», пожалуй, были созданы. Но темный и малограмотный рабочий класс почему – то не признал в Чан Кайши и Ян Сишане своих родных, пролетарских Бонапартов.

То, чем на самом деле был этот «государственный социализм», представляло собой режим чудовищного террора, коррупции и разложения, синтез старофеодальной мерзости и новокапиталистической гнусности. Коррупция стала «раковой опухолью китайской экономики» (20, сс. 114 – 115), правящая клика (даже не класс китайской буржуазии в целом) жирела, а народ пух и мер. Режим столь прогнил – при всей своей жестокости – что был обречен. Гоминьдан «создал тот аппарат государственного регулирования экономики», который был заимствован КПК» (20, с. 269) и указал ей путь, но сам не мог пойти по этому пути государственно – капиталистического прогресса, будучи множеством нитей привязан к феодальному прошлому. КПК разрубила топором крестьянской революции все эти феодальные путы, выкорчевала с китайской земли ветхие феодальные пни и на освобожденной китайской земле стали бурно расти капиталистические побеги...

Неолигархической китайской буржуазии жилось довольно несладко при правлении Гоминьдана. И не случайно ее главная партия – созданная в 1941г. Демократическая лига Китая, как и другие буржуазно – демократические группы, после неудачи примиренческих позиций, поддержала в конце концов КПК против гоминьдана. Тем более КПК шла к власти не как партия государственного регулирования против свободной конкуренции, но напротив, как *защитница частной инициативы против государственного зажима и «критиковала тогда Гоминьдан по сути с буржуазно – либеральных позиций»* (20, с.181). Она выступала за «новодемократическую революцию в интересах 4-х классов» (рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и национальной буржуазии). На VII съезде КПК (1945гю) Мао с заслуживающей уважения прямоотой сказал, чем будет эта “новодемократическая революция” на самом деле: **“Все мероприятия этой революции направлены не на уничтожение, а на охрану частной собственности. В результате этой революции будет расчищен путь для развития капитализма”** (цит. по 20, с.180). Откровенность Мао продержалась недолго, сами потребности буржуазной революции приказывали окутывать ее в “пролетарски – коммунистическую” фразеологию, и данная фраза вошла только в китайское издание 1948г., а в последующих изданиях была изменена в совершенно ином смысле (см. там же).

Да, Мао говорил правду – пока не стал вынужден лицемерить. “Новодемократическая революция” – на самом деле старобуржуазная революция – выкорчевала с китайской земли древние феодальные пни и расчистила путь для развития капитализма. А, как повторял в свое время за Лениным Цюй Цюбо, **“только в процессе развития капитализма может родиться социализм, только капитализм в состоянии создать техническую основу для социалистического обобществления средств производства, только капитализм способен породить многочисленный, сильный своей сознательностью революционный пролетариат”** (33, с.200).

Но Великая китайская буржуазная революция не была буржуазной революцией того типа, который в свое время отстаивали большевики в России – она не была буржуазной революцией при *гегемонии пролетариата*, и увенчалась диктатурой класса новой государственной буржуазии, а не революционно - демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Только такая революционно – демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (другими словами, диктатура пролетариата, не осуществляющая немедленный слом рыночной экономики) поставила бы во главу угла задачу *мировой пролетарской революции*, задачу содействия *социалистической революции в передовых странах*. А социалистическая революция в передовых странах, в свою очередь, облегчила бы и ускорила процесс прохождения Китаем сквозь муки капиталистического чистилища.

Этого не случилось – и **трудящимся Китая предстояло быть “вываренными в фабричном котле”, подвергнуться всем адским мукам капиталистического прогресса.**

Марксистский анализ подлинной истории маоистского Китая имел бы чрезвычайно большой интерес. Здесь он не может быть осуществлен - из – за нехватки фактического материала. Придется ограничиться беглыми указаниями на основные моменты.

Аграрная реформа 1950 – 51гг. довершила разгром феодального землевладения и дала землю крестьянам. Но, как уже говорилось, уничтожение *феодального землевладения* – это только первый шаг буржуазного переворота в деревне, 2-м

необходимым шагом которого является уничтожение *крестьянского земледелия*, замена его капиталистическим земледелием. Эта вторая стадия буржуазного аграрного переворота не завершена в китайской деревне до сих пор.

Уничтожение олигархического капитализма 4-х семейств и феодального землевладения сами по себе означали мелкобуржуазное поравнение, шаг назад к мелкой частной собственности. Но этот шаг назад был абсолютно необходимой предпосылкой “большого скачка” вперед, нового тура концентрации капитала. Динамика развития капитализма и межимпериалистическая конкуренция неотвратимо влекли к этой концентрации – и что на свете могло противостоять им? В результате КПК, в 1940-е годы защищавшая свободу частной инициативы против государственной экономики Гоминьдана, в 1950-е годы должна была начать новый виток огосударствления. К середине 1950-х годов неолитархическая буржуазия была лишена своей свободной частной собственности.

Впрочем, она не осталась сильно в накладе и не имела поводов для большого недовольства “коммунистическим коварством”. Вместо свободного распоряжения своими капиталами, она получила стабильные 5% годовых и в большинстве случаев сохранила руководящие посты на принадлежащих ей прежде предприятиях, войдя, таким образом, в класс государственной буржуазии. В период культурной революции ей пришлось пережить нелегкие времена, но уже в 1979г. она получила обратно конфискованные в культурную революцию вклады и привилегии (повышенные оклады, руководящие должности и т.п.) (24, с.119).

Перед руководством КПК стояла все та же задача догоняющей капиталистической модернизации, которую предыдущие 100 лет друг за другом пытались решить – каждый в своих собственных интересах – классы и партии китайского общества. Как пишет Б.Т. Кулик, брежневский дипломат и партаппаратчик, которого Горбачев и Ельцин убедили в определенных достоинствах маоизма:

“отход от социалистического пути развития был бы равнозначен крушению целей преодоления экономической отсталости и возрождения Китая, поскольку руководители КПК исходили из того, что только социализм может спасти Китай, сделать его могучим и процветающим... *на первом месте стояли задачи индустриализации.* Собственно, социалистические преобразования рассматривались руководством КПК в первую очередь как *предпосылка* решения задачи индустриализации” (12, сс. 165 – 166, 134). Этот “социалистический путь развития” на деле был ничем иным, как капиталистической индустриализацией, процессом первоначального капиталистического накопления, а “социалистические преобразования”, под которыми Б.Т. Кулик, соответственно сталинистской традиции, понимает огосударствление, концентрацию экономических сил и средств в руках государства, являлись необходимой предпосылкой этого процесса первоначального накопления капитала.

В резолюции VIII съезда КПК (1956г.) говорилось: «В целях осуществления социалистической индустриализации весь народ должен подчинить текущие и личные интересы перспективным интересам и интересам коллектива, самоотверженно бороться, бережливо и экономно вести хозяйство, на базе развития производства и повышения производительности труда увеличивать накопления государственных резервов». В «Тезисах о генеральной линии КПК»,

принятых чуть раньше, в декабре 1953г., было сказано: «В период индустриализации необходимо *прилагать большие усилия, нельзя не экономить на одежде и пище и не идти на лишения*» (цит. по 12, сс. 167 – 168).

Крайняя распыленность средств производства, мельчайшие размеры крестьянского хозяйства, аграрное перенаселение, т.е. скопление в деревне огромного количества незанятых рук и голодных ртов, изобилие дешевой рабочей силы при нехватке капиталов – такую экономику создало историческое прошлое Китая. Поэтому по уровню централизации производства маоистский капитал отставал не только от передового капитализма США, но даже от отсталого капитализма СССР, а маоистская индустриализация отличалась от сталинистской. “Большой скачок” был попыткой использовать в интересах индустриализации это изобилие дешевой рабочей силы, создать своего рода подсобную промышленность (доменные печи на крестьянских дворах!!!). Неэффективность такой кустарной промышленности очевидна. Как опровержение либеральных схем, можно отметить, что при “большом скачке” были расширены права предприятий на использование прибылей, а при “урегулировании” после него, когда Мао фактически на время отошел от руководства, “произошло возвращение к схеме достаточно жесткой централизации” (10, сс.191 – 192). В 1967 – 1976гг. сторонниками капиталистической централизации были “либералы” Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин, ее противники – активисты “культурной революции” (там же, сс. 193-194).

Если Мао в борьбе со своими противниками в руководстве КПК развязал “культурную революцию” и выпустил из бутылки джинна пролетарской борьбы, то не он этого джинна создал. Некоторые подробности о подлинном характере классовой борьбы в это время можно найти в статье Пита Брауна (см. 36).

В отличие от “красногвардейцев”, цзаофаней, сынков номенклатуры, считавших своими врагами остатки старой буржуазии, “молодые бунтари”, *хунвэйбины*, не зря внушавшие дикий ужас брежневским аппаратчикам и диссидентствующим интеллигентам, были лимитчиками, неквалифицированными рабочими, заводскими учениками и т.п. наиболее угнетенными слоями пролетариата. С разной степенью сознательности они боролись за пролетарское освобождение против класса государственной буржуазии. У некоторых из этих “ультралевых” понимание реальных отношений достигало весьма высокого уровня, хотя и они сохраняли иллюзии в отношении лично Мао Цзедуна, что и послужило одной из причин их разгрома. В работе “Куда идет Китай?”, изданной наиболее известной ультралевой “группой”, Хунаньским Провинциальным Большим Пролетарским Революционным Союзным Комитетом, говорилось: “...класс “красных капиталистов” полностью стал упадочным классом, препятствующим прогрессу истории. Отношения между ним и народом в общем превратились из отношений между руководителями и руководимыми в отношения между правителями и управляемыми, между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Из отношений между равными революционерами они превратились в отношения между угнетателями и угнетенными. Специальные привилегии и высокая зарплата класса “красных капиталистов” основаны на эксплуатации и угнетении широких масс народа... Здесь нет места для реформ или мирного перехода. Старая государственная машина должна быть полностью разрушена” (36).

Разгромив с помощью пролетарских и полупролетарских масс своих врагов в государственном аппарате, Мао подавил, опираясь на армию, это пролетарское движение. Лидеры Хунаньского комитета были арестованы или убиты (см. 36). Контрреволюционный поворот был осуществлен самим Мао Цзедунем вместе с Линь Бяо и “бандой 4-х”, и Дэн Сяопин явился лишь довершителем этого переворота – точно так же, как термидорианцы лишь довершили контрреволюционный переворот, начатый самим Робеспьером, который уничтожил плебейских революционеров Ру, Эбера, Шометта и их товарищей.

Буржуазная революция в Китае закончилась.

Решил ли капитализм проблемы Китая или создал новые, еще более катастрофические, решить которые сможет лишь мировая пролетарская коллективистская революция, мы рассмотрим во второй части статьи.

Часть 2.

Реальным содержанием “социалистического строительства” в КНР было первоначальное капиталистическое накопление, строительство капитализма. По словам одного российского экономиста, “по существу, весь 50-летний период [истории КНР – М.И.] был периодом первоначального накопления” (21, с. 53).

Мы, марксисты, менее, чем кто – либо, можем отрицать необходимость и прогрессивность капиталистического развития. Ведь именно оно создает как производительные силы, единственно на основе которых можно будет покончить с ним и создать коммунистическое общество, так и класс, которому предстоит совершить эту грандиозную социальную революцию – класс пролетариев. Что противопоставляет нас сонму апологетов капиталистического прогресса, так это понимание его антагонистической природы.

Капитализм означает лишение трудящихся принадлежащих им прежде средств производства и тем самым – всякой самостоятельности и автономии, превращение их в наемных рабов капитала. Капиталистический прогресс осуществляется за счет фабрично – каторжного труда, страданий и жертв, пота и крови бесчисленного множества пролетариев. Он развязывает все самые низменные и омерзительные страсти, превращает большинство людей либо в алчных волков, либо в тупо – покорных баранов. Далек от того, чтобы иметь равномерно – бескризисный характер, он периодически порождает грандиозные кризисы и катастрофы, запутывается в своих противоречиях и, чтобы на время выбраться из них, приносит в жертву ставшие избыточными производительные силы, включая ставших избыточными пролетариев. *Единственное, что оправдывает капиталистический прогресс – это то, что он сам роет себе могилу.*

Поэтому мы не станем восторгаться грандиозным ростом промышленного производства в Китае, объем которого в 1952 – 1997гг. вырос в 232 раза (10, с. 188), но проанализируем противоречивость этого роста. Только так мы сможем предвидеть и понять великие социальные катаклизмы, к которым неотвратимо ведут противоречия этого грандиозного роста.

В процессе первоначального накопления в Китае, как и в других странах Востока, решающую роль сыграло государство.

Первоначальное накопление капитала означало индустриализацию, создание современной крупной промышленности, качественно не отличающейся от промышленности в развитых капиталистических странах, хотя и намного уступающей ей количественно. Создание же современной промышленной

инфраструктуры не могло быть делом частных капиталистов, у которых – в большинстве случаев – не было требующихся для этого огромных капиталов и – во всех случаях – желания их сюда вкладывать. В более поздний период, в 1980-е гг. размеры первоначального капитала, требующегося для создания предприятий группы “А”, увеличились сравнительно с серединой 19в. в 425 раз, а для создания металлургических заводов требовалось в 2 тысячи раз более первоначальных инвестиций, чем в эпоху индустриализации Англии и Франции (9, с.224). В 1950-е годы разрыв с серединой 19в., хотя и не достигал еще таких размеров, все равно был уже громадным.

Имевшиеся капиталы частные капиталисты предпочитали направлять в легкую промышленность, где могли надеяться на большие и быстрые прибыли. “Если бы в 1950-е годы в Китае существовала рыночная экономика, развитие тяжелой промышленности было бы невозможно, т.к. капиталы пошли бы в легкую промышленность” (15, с.55).

Поэтому движущей силой строительства капитализма в Китае выступило государство. “Только государству...было под силу создание широкого набора отраслей высокой капиталоемкости, только сильное государство могло *на время* [!!!] позволить себе отвлечься от соображений прибыльности...” (10, с.190).

“Большой скачок” и “народные коммун”, далекие оттого, чтобы содействовать переходу к социализму, на деле являлись лишь мерами капиталистической индустриализации, что начинают понимать даже некоторые китайские буржуазные идеологи: “Система народных коммун сформировалась для достижения цели насильственного изъятия сельскохозяйственных излишков на нужды индустриализации страны” (15, сс. 180 – 181).

Парадоксальным образом абсолютно необходимое для развития китайского капитализма преобладание тяжелой промышленности сдерживало урбанизацию и сохраняло аграрное перенаселение. “Примат капиталоемкой и трудосберегающей тяжелой промышленности затормозил отток рабочей силы из сельского хозяйства” (15, сс. 101 – 102). Чтобы удержать под контролем огромную избыточную массу сельского населения, была введена строгая система прописки и прикрепления трудящихся к месту жительства. Некоторые “третьесистемники” (см, например, 39) именно из – за этой приписки трудящихся к их “производственным единицам” считают, что маоистский Китай был не капиталистической страной, а особым эксплуататорским обществом (39, р. 53).

Но если мы взглянем для сравнения на такую самую “свободно – рыночную страну”, как Англия, то увидим, что в ней в 1662г. был издан закон, дававший право каждому приходу высылать в его родной приход любого не имеющего собственности пришлого рабочего – закон, под действие которого попадало 9/10 населения Англии (кроме ее верхних слоев) (31, сс. 300 – 301). Ограничение свободы передвижения, система прописки сохраняется и в современной России, и в современном Китае. В последнем рабочие из сельской местности должны получить официальное разрешение на право работать в городе, при этом капиталист нередко обязан поручиться за их хорошее поведение, после чего “*рабочие привязаны к фабрике столь же надежно, как крепостной к феодальному поместью*” (38, р.162).

Как бы там ни было, основы современной капиталистической промышленности были заложены в Китае при Мао Цзедуне. Низкий уровень экономического развития был причиной того, что по степени экономической централизации маоистский Китай уступал не только передовому капитализму США, но и

отсталому капитализму СССР. При Мао *“Абсолютно большая часть средств производства даже в государственном секторе промышленности оставалась в собственности и распоряжении не центральных правительственных органов, а местных административных структур – провинциальных, городских, уездных”* (10, с.229). Низкий уровень реальной экономической концентрации означал, что экономическая централизация могла быть только внешним обручем, который должен был быть снят, чтобы началась свободная игра экономического развития и *реальной экономической концентрации*. Такой шаг назад – необходимая предпосылка для последующего прыжка вперед – и был осуществлен после победы Дэн Сяопина во второй половине 1970-х годов.

Непосредственные результаты дэнсяопиновских “реформ” сказались в первую очередь в сельском хозяйстве, что и послужило основой для апологий свободной частной инициативы. Однако эти радужные результаты были очень недолгими, и если для рыночного апологета что американский сельскохозяйственный капиталист, что китайский огородник принадлежат к излюбленной категории “фермера”, то от этого производительность труда второго еще не достигает в сверхъестественном скачке производительности труда первого.

“За истекшие 18 лет реформ число дворов в деревне превысило 230 млн, а площадь пашни уменьшилась до 95 млн га. На двор в среднем приходится 0,41 га пашни, состоящей в среднем из 7 – 9 клочков. *В настоящее время сельское хозяйство КНР является самым мелким, а земельный фонд – самым изрезанным и раздробленным в мире”* (21, сс. 40 – 41). Непрерывное дробление клочков земли на еще более мелкие клочки, с соответствующими заборами и тропинками, привело к тому, что *в настоящее время обрабатывается лишь 2/3 от количества пахотной земли, имевшейся 40 лет назад* (3, с.215). Мельчайшие хозяйства невосприимчивы к агрономическим новшествам и пребывают по уши в долгах. Чтобы поддержать текущее плодородие земли – убивая ее будущее плодородие, *«земля в буквальном смысле слова засыпается химическими удобрениями и ядохимикатами»* (21, с. 42). **Капиталистическое земледелие убивает землю, – как капиталистическая промышленность убила Желтое море**, отравив воду, приобретшую красно – коричневый цвет, и всех ее обитателей (о Желтом море см. 16, с.100).

Происходит социальная дифференциация крестьянства. «В некоторых местах власть предрержающие чиновники распоряжаются землей как своей собственной, нарезают себе наиболее плодородные участки. Множится слой безземельных крестьян. Соответственно усиливается социальная напряженность» (21, с.44). «Происходит концентрация земли в руках все меньшего числа семейств» (24, с.110). Огромные масштабы приобрели спекуляции землей (3, с.229). «...тяжелым бременем почти повсеместно на все все крестьянство давят различные поборы – от 40 до 60 видов. Доведенные в отдельных районах до отчаяния, *крестьяне от недовольства переходят к неповиновению властям*» (10, с.306). Так, во время великого наводнения Янцзы в 1998г., когда местные власти на какое – то время утратили контроль, произошло 130 крестьянских бунтов (3, с.216).

Крайне низкий уровень производительности труда в земледелии означает, что так и не решена по – настоящему *проблема голода*. «В КНР сотни миллионов людей, особенно в деревне, испытывают скрытое белковое, калорийное, минеральное, витаминное голодание, десятки миллионов, особенно в деревне, страдают от откровенного недоедания» (21, с.83).

Чудовищно низкий уровень производительности труда, раздробленность земледелия на карликовые хозяйства, перенаполнение деревни незанятыми руками и голодными ртами – все это характеризуется термином *аграрное перенаселение*. Оно имеет в Китае чудовищные размеры. По словам Наумова, «если следовать примеру Японии и оставить на одного работника в китайской деревне по 1,6 га пашни, то в КНР достаточно будет 55 – 60 млн семей для ведения сельского хозяйства; *остальные 150 – 160 млн (650 – 700 млн человек окажутся излишними*» (21, с.173). Согласен с ним и Малевич, на взгляд которого, для прямых нужд сельского хозяйства Китая достаточно 300 млн крестьян, *600 млн – излишни* (см. 16, с. 63).

600- 700 миллионов лишних людей (1/10 населения Земли!!!), не барчуков, как Онегин или Обломов, а знаменитых своим трудолюбием китайских крестьян, которым нет места при капиталистической системе, опутавшей землю цепями экономической прибыльности и национальной государственности!

Куда им идти? На китайские промышленные предприятия? Но происходящая в последние годы в Китае «реструктуризация», закрытие убыточных предприятий и увольнение избыточных рабочих означают, что городская промышленность сама создает своих лишних пролетариев (безработные и полубезработные составляют сегодня 1/8 городского населения Китая – см. 3, с.157), а не является прибежищем для лишних крестьян.

Искать работу за рубежом? Но капитализм повсюду в мире вступил в депрессивную фазу, ему не нужны новые рабочие руки, все буржуазные правительства усиливают ограничения трудовой иммиграции.

Как капитализм, китайский и мировой, может решить эту проблему избыточных, не находящих себе приложения, не нужных капиталу рабочих рук? Тут нечего гадать, достаточно вспомнить, как он уже решал 2 раза в 20 веке проблему ставших ненужными для капиталистического воспроизводства пролетариев и мелких буржуа – **массовым истреблением их в ходе мировых войн** (см. работу Интернациональной Коммунистической Партии «Освенцим или Великое Алиби» в №5 «Пролетарской революции»), и нет сомнения, что *600 – 700 миллионов китайских крестьян и полупролетариев разделят участь 10 млн жертв Первой Империалистической и 50 млн жертв Второй Империалистической войн – если только китайский и мировой пролетариат не восстанет и не свергнет власть капитала.*

Причины высоких темпов экономического роста в Китае, столь любимых всеми апологетами капиталистического прогресса, заключаются как в чрезвычайно низком исходном уровне, так и в драконовской эксплуатации пролетариата, что проявляется, в частности, посредством высокой нормы накопления (годовая норма накопления – 40%) (15, с.32). Рост этот имел и имеет экстенсивный характер – т.е. осуществляется за счет эксплуатации все большего количества пролетариев при малой производительности их труда. (см., например, 10, с.355). Сверх того, рост этот волнообразен – массивные капиталовложения вели к ускорению роста и падению эффективности от капиталовложений, вслед за чем правительство сокращало капиталовложения, после чего происходило снижение темпов роста (10, с. 202). В 20 – летний период «реформ» темпы роста были то 13 – 14%, то 3 – 4%, при этом существует тенденция к увеличению амплитуды этих колебаний, что создает угрозу краха (см. 15, с.38). «Высокие и сверхвысокие неуправляемые темпы экономического роста – одна из главных причин хаотического и диспропорционального развития китайской экономики, снижения эффективности и качества роста» (21, с.182).

Уровень концентрации производства все еще весьма низок. *В китайской экономике сейчас присутствуют более 260 млн хозяйствующих субъектов, в т.ч. в деревне – более 230 млн!!!* (21, с. 20). Как признают российские буржуазные ученые, *«Слишком высокая децентрализация и обилие мелких предприятий – одна из главных причин еще низкой эффективности производства»* (10, с. 207).

С множеством мелких и мельчайших предприятий соседствуют острова тяжелой промышленности. В 1995г. 0,3% промышленных предприятий (23007) были крупными и средними предприятиями, в т.ч. крупными предприятиями – 6201, сверхкрупными – 215. На них занято 25% рабочих и служащих, им принадлежит 60% производственных фондов, они давали государству более 60% промышленных налогов (10, с.204).

Беда в том, что эти крупные предприятия в большинстве своем относятся к тяжелой промышленности Северо – Восточного Китая (Манчжурии), построенной еще при японской оккупации в 1930- 1940- е годы и в эпоху советско – китайского сотрудничества в 1950-е годы. Естественно, что данные предприятия с их устаревшим и изношенным оборудованием обыкновенно являются убыточными. *«Со стремительным вхождением в рынок с 1986г. началось быстрое падение эффективности предприятий, рост их убыточности, задолженности, банкротств по кредитам и неплатежам... Без огромных дотационных вливаний денег в системообразующие отрасли народного хозяйства китайская экономика не выдержала бы испытания даже умеренно проводимой монетаризацией»* (21, сс. 36, 38). Одним из последствий таких дотационных вливаний из госбюджета стал рост его дефицита в «период реформ» более чем в 14 раз! (10, с.244).

Только 30% государственных предприятий являются устойчиво рентабельными, зато устойчиво убыточны – 40% (10, с.206). В 1996 – 97гг. резко увеличилось количество зарегистрированных банкротств, количество уволенных с государственных предприятий увеличилось до приблизительно 13 млн человек (24, с.202). *С 1997г. стала убыточной вся государственная промышленность* (15, с. 39). В 1997 – 98гг. рост доходов значительно уменьшился, а для значительной части населения они стали сокращаться (3, с.208), причем само собой понятно, что к этой «значительной части населения» принадлежат отнюдь не верха!

Ответом китайской буржуазии и ее руководящей группы на экономический кризис, убыточность предприятий стала политика реструктуризации, закрытия убыточных предприятий, будь они нежизнеспособными карликами или мастодонтами тяжелой промышленности 1950-х годов. *«В настоящее время в Китае в высших кругах осознали, что на мелком маломощном распыленном производстве современной экономики не воздвигнешь и на мировом рынке не выступишь. Отсюда жесткие требования к концентрации средств, капитала, к созданию супергигантов в промышленности, к увеличению масштабов хозяйствования в деревне и т.д.»* (21, с.191). Объективным следствием такой политики концентрации капитала будет *рост эксплуатации пролетариата и усиление его борьбы*. Сколь мы можем судить, большая часть рабочих протестов происходит сейчас в обильной депрессивной тяжелой промышленностью Манчжурии.

Прежде чем говорить о китайском пролетариате, нужно сказать о его классовом враге – о правящем классе современного Китая, т.е. о буржуазии.

Как отличительную черту современного Китая И.А. Малевич выделяет *«колоссальную социальную стратификацию»* (16, с. 16). **Верхние 20% населения в Китае владеют 50,2% национального богатства (в США – 44,3%), нижние 20% – 4,3 % национального богатства (в США – 4,6%)** (3, с.217), т.е. социальное неравенство в «коммунистическом» Китае сильнее, чем в гордящихся своей капиталистичностью США!

Современная китайская буржуазия состоит из нескольких слоев. Тут есть и потомки старой буржуазии, которая так и не была по – настоящему экспроприрована после 1949г., и которая, как мы уже видели, получила в 1979г. обратно конфискованные было при «культурной революции» вклады и привилегии (24, с.119), и «красные капиталисты», против которых героически – безуспешно в «культурную революцию» боролись «ультралевые» хунвэйбины, и приехавшие в Китай представители эмигрантской китайской буржуазии – хуацяо, и выскочки – нувориши. Что отличает *всех их* – так это тесные отношения и переплетенность множеством нитей с государственной властью.

Сращивание капитала и государства, капиталиста и чиновника характеризовало китайский капитализм еще во времена Ли Хунчжана и Чан Кайши. Ситуация не изменилась и сегодня.

По словам И.А. Малевича, «...Китай создает свой средний класс [любителям употреблять это нежное словосочетание, дабы не обращаться к шершавому слову “буржуазия”, не мешало бы знать, что в английском языке, откуда оно заимствовано, словосочетание “средний класс” означает именно буржуазию – в противоположность аристократии и простонародью! – М.И.] своим китайским путем – путем нормативной раздачи стратифицированных привилегий» (16, с. 150). **«...в Китае категории новых богачей – это или партийные боссы, или региональные функционеры, или военная элита»** (16, с.168). *«Нынешний ... предприниматель КНР жил и составлял свой капитал, или знает, как его составить, за счет общественной собственности...»* (24, сс. 165 – 166).

Одним из отрядов – и далеко не самым слабым – современной китайской буржуазии является ... армейская верхушка. «Китайская армия сегодня – это гигантская корпорация, контролирующая движение капитала в размере 5 – 7 млрд дол. США... *Гранды армейского бизнеса в Китае – это класс эксплуататоров, более успешных и изощренных, чем где бы то ни было в истории ранее»* (16, сс. 119, 120).

В 1997г. вышла книга мелкобуржуазной демократки, воспитывавшейся на Белинском (!!), Хэ Цинлянь «Западня для Китая». В этой книге о современном капиталистическом Китае было сказано немало горькой правды. «Хэ Цинлянь пишет, что **городские «реформы» с самого начала были равнозначны процессу, в ходе которого власть имущие и их прихлебатели расхищали и грабили общественные богатства. Главным объектом и целью такого грабежа была та государственная собственность, которая представляла собой аккумулированный труд и пот народа, не покладавшего рук в течение 40 лет. А главным орудием грабежа была политическая власть»** (3, с. 207).

Далее Хэ Цинлянь отмечает, что **китайские олигархи ассоциируют себя с КПК или считают себя ее союзниками** (там же, с.218), так что открытие на последнем съезде КПК доступа в ее ряды китайским капиталистам, оцениваемым теперь как «передовые элементы», всего лишь легализовало существующее положение дел.

«Китай – пишет она - идет в направлении совместного правления в нем власти и мафии» (там же, с. 227) и, как формулирует ее позицию Галенович, **«речь идет в конечном счете о капиталистической системе [!!!] или о чудовищном гибриде капиталистической системы наживы и эксплуатации с социалистической безответственностью власть имущих перед лишенным собственности населением»** (там же, с.230).

Наряду с китайскими капиталистами, эксплуататором китайских пролетариев является и иностранный капитал, действующий преимущественно в свободных экономических зонах. В этих зонах *“сохранялся, и во многом сохраняется и сегодня, принцип социалистической [!?!] нищенской оплаты за непомерный многочасовой труд на благо светлого будущего»* (16, с.109), на самом деле – ради роскошных прибылей западных инвесторов, получающих в этих зонах **«непомерные прибыли» «исключительно за счет жесточайшей эксплуатации китайского работника»** (16, с. 110).

Огромная прибыль на каждый вложенный в Китай доллар «есть результат самой жестокой из существующих в мире систем эксплуатации своего народа, которая сильнее феодальной и страшнее системы насильственного труда сталинских лагерей» (16, с.150). Инвестируя в Китай, «страны Запада успешно решают многие свои финансовые проблемы. А Китай расплачивается за это бедностью сельских районов, жестокой эксплуатацией своих людских ресурсов, экологическим ущербом и неравномерным социальным развитием страны» (16, с. 139).

Возмущение Малевича тем более любопытно, что он не является коммунистом или социалистом, но обыкновенным профессором физики с наивно – буржуазными взглядами: одобряя и поддерживая китайские «реформы», он в то же время искренне возмущается реальным обликом этих реформ, и не имеет ни достаточного лицемерия, чтобы скрыть свои возмущение и ужас, ни достаточно умственной последовательности, чтобы распутать противоречия в своей голове. Рабочий класс в широком смысле слова составляет в Китае сейчас более 270 млн человек (39, р. 54). Если сравнить это число (даже вычтя из него непромышленных рабочих, и помня о погрешностях в статистических данных) с 1,5 – 2млн промышленных рабочих в Китае в 1920 – е годы, мы увидим **рост на 2 порядка** – самое яркое свидетельство капиталистического прогресса в Китае в 20 веке.

Сопровождался ли этот капиталистический прогресс, этот грандиозный рост количества пролетариев столь же грандиозным ростом их благосостояния?

Если бы было так, то капитализм не был бы капитализмом. Рост капиталистической экономики и прибылей капиталистов – китайских и иностранных – происходил и происходит за счет безжалостной эксплуатации пролетариата, положение которого немногим изменилось к лучшему сравнительно с 1920-ми годами.

Как и в 1920-е годы, алчные капиталисты предпочитают нанимать более беззащитных и покорных молодых рабочих (особенно – работниц) из деревни, чьи документы конфискуются хозяевами и кто поэтому должен жить в закрытых казармах, работая до изнеможения, чтобы уплатить хозяевам их аванс (38, р.162; 41). Двое рабочих *были забиты камнями насмерть* охранниками за попытку сбежать из такой казармы – и никто не был наказан. Когда это было – в 1920-е годы? В 1990-е! (38, р.162). На принадлежащей тайваньскому капиталисту обувной фабрике в Гуанчжоу провинившиеся чем – либо рабочие наказываются тем, что *должны бегать с железным шаблоном для изготовления*

обуви на шею вокруг фабрики или стоять на руках вверх ногами более часа у заводской стены (там же). Это благородное развлечение рабовладельца происходит не на рабской плантации и не в поместье русского крепостника!

Немудрено, что даже в статье, опубликованной в журнале официальных китайских просоюзов, говорилось: *«В раннекапиталистических обществах были широко распространены подавление основных прав рабочих и контроль за ними. Сегодня подобная практика почти полностью исчезла и существует только в социалистических [!!!!] странах – таких, как наша»* (там же)!

В 2001г. зарегистрировано более 1 млн несчастных случаев на производстве (сравнительно с 2000г. – рост на 20%), в т.ч. более 100тыс. – со смертельным исходом (рост на 10, 4%). (41). В Китае добывается 25% мирового угля, но происходит 80% мировых несчастных случаев в шахтах со смертельным исходом. Ежегодно гибнут 5 – 6 тыс. шахтеров, в 2002г., по предварительным подсчетам – 10тыс. – печальный рекорд (41).

С началом «политики реконструкции» в 1997г. по официальной статистике уволено 11,5 млн рабочих, в 1998г. – 8,9 млн, в каждом последующем году – по 5 – 6 млн. До 2010г. государственные предприятия, чтобы стать конкурентоспособными, должны уволить еще 25 – 40 млн человек (41).

Что скрывается за всеми красноречивыми рассуждениями о «конкурентоспособности» и «эффективности»?

Что такое «конкурентоспособное предприятие»? – Это то, которое удерживается в рыночной конкуренции. Что значит «удержаться в рыночной конкуренции»? – Это получать прибыль, достаточную для привлечения капиталов, т.е. прибыль не ниже средней. Откуда берется прибыль? – Из присвоенного капиталистами труда рабочих. Чем больше капиталист должен тратить на заработную плату рабочих, тем меньше остается у него прибыли, и наоборот, чем меньше он может платить рабочим, тем больше его прибыли.

Поэтому увольнение рабочих ради «эффективности» и конкурентоспособности означает, что уменьшенное число рабочих должно за ту же (а иногда – и уменьшенную) зарплату выполнять и работу своих уволенных товарищей, т.е. что усиливается капиталистическая эксплуатация.

Массовые увольнения привели в 2001 – 2002гг. к взрывам пролетарской борьбы в традиционных промышленных центрах Северо – Восточного Китая – Дацзыне (где поднялись нефтяники), Ляоюане (металлурги), Фушане (шахтеры). Протестующие против увольнений пролетарии выходили на дикие демонстрации, блокировали, а иногда и захватывали здания местной администрации, перекрывали улицы, шоссе и железные дороги (41). Перед китайской буржуазией вновь возник грозный призрак пролетарской классовой борьбы, борьбы, презирающей буржуазную легальность и ставящей право на жизнь выше права собственности.

В китайском пролетариате зреют грозды гнева. Хэ Цинлянь обнаруживает «невероятное возмущение в обществе социальной несправедливостью» (3, с.218). Слова «эксплуатируемый», «класс» и «наемный рабочий» используются рабочими для характеристики своего положения (39, р.54). Очень многие среди уволенных с работы «настроены резко против тех, кто находится у власти, считая, что это – **богатые люди, люди, у которых есть деньги**», они надеются, что будет начато **«массовое социальное движение, и хотели бы, чтобы им выпал случай излить свое недовольство, сорвать на ком – нибудь свою злобу»**» (3, с.161).

В пролетарской песне поется:

«Я вкалывал всю мою жизнь на эту партию.

А теперь, когда я на пенсии, у меня нет ничего.

Они же говорят мне: пусть тебя кормят твои дети.

А детей моих, одного за другим, выбрасывают с работы» (3, сс.218 – 219).

А вот как поется от имени классового врага – государственной буржуазии:

«В 50-х мы народу помогали,

В 60-х мы его критиковали,

В 70-х мы его обманывали,

В 80-х мы друг на друге катались,

В 90-х мы «убиваем» любого встречного и поперечного.

В данном случае слово «убивать» имеет смысл «сдирать шкуру» и в прямом и в переносном смысле» (3, с.219).

Китайская буржуазия, все ее фракции и группы, всеми средствами – от изощенного обмана до беспощадного террор – пытается и будет пытаться не дать пролетарскому брожению превратиться в социальную революцию. По словам директора Тамканского университета (на Тайване) А. Писарева, **«недовольство народа власти намерены гасить идеей патриотизма и важности сильного государства»** (цит. по За). Официальная идеология из псевдокоммунистической становится государственно – патриотической, «борьба с мировым империализмом» времен Мао Цзедуна (который сам на деле повернул курс, пойдя в 1971г. на сближение с США) ушла в безвозвратное прошлое, и Пекин находится в трогательной дружбе с Москвой, которая, как и любая дружба грабителей и насильников, основывается на общности интересов: китайское правительство не видит ничего плохого в том, что российское правительство давит чеченцев, а российское в благодарность не возражает против подавления его китайским коллегой уйгуров и тибетцев.

«Все чаще других звучит слово *«стабильность»*. Примечательно, что оно исходит не только от власть предержащих, но и от оппонентов» (10. С.502), примером коих является живущий в США «видный китайский ученый» некто Ли Цзэхоу, написавший книгу «Прощай, революция», где он поддерживает идеи «китайского неоконсерватизма» (там же).

Впрочем, китайская буржуазия в глубине души сознает, что революция, много раз похороненная, вставала из могилы, сбросив все чугунные плиты, какими хотели придавить ее навеки, и являлась неожиданным страшным гостем. На случай, если все попытки «сохранить стабильность» окажутся тщетны, и кипящая лава прорвется сквозь все преграды, заботливо приготавливаются 2 ложных пути, на которые буржуазия попытается отвести пролетарское движение, чтобы оно не обрушилось на подлинного виновника всех бедствий пролетариата – на капиталистический строй. Один из этих путей- религиозно – мистический, другой – демократически – диссидентский.

Религиозно – мистический путь представлен необуддистской сектой «Фалуныгун» (подробно о ней см. в 3, сс. 232 – 277). Она возникла в первой половине 1990-х годов, а осенью 1999г. была запрещена властями, увидевшими в ней, из – за ее стремительных успехов, опасного конкурента.

Религия есть результат бессилия человека перед неподвластными ему силами природы (в основном в доклассовую эпоху) и общества (в основном в классовую, эксплуататорскую эпоху). Беззащитность рядового китайского труженика перед властью и рынком резко выросла за 20 – летие рыночных реформ, что и повлекло за собой «религиозный ренессанс». *Одной из главных*

причин этого «религиозного ренессанса» послужил... массовый переход на платную медицину, осуществленный по приказу МВФ.

МВФ сказал «надо», партия (т.е. КПК) ответила «есть», в итоге *простейшее обследование в больнице у терапевта с измерением температуры и давления и анализом крови стоит до 120 долларов США, что составляет половину годового дохода средней китайской семьи и 2/3 годового дохода сельской семьи* (16, с.37). В итоге «те, кто не может платить за лечение, в отчаянии обращаются к церкви» (10, с.527), - вполне по – материалистически объясняют «подъем религиозной духовности» кандидат философских наук А. Ломанов и ... православный поп Д. Поздняев.

Мы – не просветители, видящие в религии внеисторическое зло, но материалисты, для которых не существует ни внеисторического зла, ни внеисторического добра. В средние века освободительное движение угнетенных с неизбежностью облекалось в религиозные одежды, эта ситуация сохранялась еще при раннем капитализме (Английская революция 17 века), но в современную эпоху любая организованная религия, любая церковь может служить только подчинению пролетариата буржуазия – и не только «Фалуныгун», но и «теология освобождения».

Другим движением, служащим буржуазия, является демократическое диссидентство, стремящееся трансформировать пролетарскую борьбу в «борьбу за демократию и права человека». Наиболее видный и известный представитель такого движения в Китае – это Вэй Цзиншэн, отсидевший 18 лет, с 1979 по 1997гг. в жутких условиях в китайских тюрьмах (о нем см. 3, сс. 7 – 65). При всем своем бесспорном великом мужестве, пролетарской классовой гордости (до ареста он работал электромонтером и считает себя рабочим (3, с.12), при субъективной ненависти к классу «бюрократической буржуазии (3, с.50), объективно он служит этому ненавидимому им классу, как это делали и советские диссиденты, далеко не все из которых были разрекламированными проститутками вроде Сахарова, но все объективно работали на ненавидимую ими номенклатуру – тем, что боролись за *реформу* существующей системы, а не за *революцию* против нее.

«С точки зрения Вэй Цзиншэна, наилучший путь к переменам в Китае лежит через экономические санкции и международное политическое давление. Он *опасается*, что в противном случае **«массы безработных, которые мигрируют в города, в конечном счете взбунтуются и поднимутся на революцию»** (3, с.62).

Итак, китайские буржуазные демократы *опасаются* революции, а не *надеются* на нее и уж тем более не *работают* на нее! Какая разница с эпохой молодого, прогрессивного и революционного капитализма, когда буржуазные *демократы* отстаивали революцию как единственный путь покончить с деспотами и тиранами и установить демократию, власть народа! Китайским пролетариям нечего рассчитывать на союз с буржуазными демократами, тот факт, что смена правящим классом его «тоталитарной» личины на «демократическую» не улучшит участь угнетенных, китайские трудящиеся могут знать, посмотрев на Россию или Индонезию.

Так же не улучшат участь угнетенных националистические или сепаратистские движения. Но разломы в грядущую эпоху катаклизмов могут пойти по национальным и региональным линиям, пролетарии должны знать это, чтобы предотвратить, чтобы не дать своим эксплуататорам перевести пролетарскую

борьбу и пролетарскую ненависть в националистическое русло, как смогли сделать эксплуататоры в СССР и Югославии.

Капиталистический прогресс «20 – летия реформ» затронул в основном Восточный, прибрежный Китай. Восточный Китай занимает 13,5% территории, но в нем проживает 41% населения и он дает 57,7% ВВП (10, сс. 232, 235). Региональное деление пересекается с национальным, т.к. наиболее крупные национальные меньшинства (уйгуры, тибетцы, монголы) живут в отсталом материковом Западном и Северном Китае.

Национальные меньшинства составляют 8,9% населения Китая (10, с.471), это почти 100млн человек (10, с. 235). В отличие от того, что было в СССР, где практически все крупные и жизнеспособные национальности получили вполне реальную автономию и сложились в капиталистические нации, чьи правящие классы еще в «советскую» эпоху находились к русскому правящему классу в вассальных, но не в рабских отношениях, в КНР старое неравноправие национальных меньшинств не было уничтожено. Более того, фактическая широкая автономия, которой пользовались Синьцзян и другие районы национальных меньшинств при слабой и непрочной власти в Пекине, исчезла, когда в Пекине воцарилась прочная и устойчивая власть КПК. В 1949 – 57гг. был установлен контроль практически за всеми сторонами жизни неханьских народностей (исключение – Тибет) (10, с.465). Никуда не исчез бытовой шовинизм, поддерживаемый государственной властью и господствующий в том числе в рядах «коммунистической» партии. Родители Вэй Цзиншэна, искренние и бескорыстные низовые партаппаратчики, страшно возмутились, узнав, что их сын собирается жениться – подумать страшно! – *на тибетке!* Они считали, что *«все тибетцы – это люди, лишённые морали, не умеющие себя вести, почти что недолюди»* (3, с.36).

Но развитие капитализма, развитие всеобщей конкурентной борьбы с неизбежностью создает национальные движения и нации. Сквозь цензурные преграды время от времени появляются сведения, о «национал – освободительной» вооруженной борьбе уйгуров в Синьцзяне, жестоко подавляемой пекинскими властями. Больше известно о национальном движении в Тибете.

Пролетариат господствующей ханьской национальности, чтобы установить искренний и прочный союз с пролетариями и полупролетариями угнетенных наций и национальностей, должен непримиримо выступать против неравенства, дискриминации и угнетения, которым подвергаются эти нации и национальности – от уйгуров и тибетцев до самых маленьких национальностей Южного и Юго – Западного Китая. Чего пролетариат не может и не должен делать – так это солидаризоваться с требованиями и программой уйгурских, тибетских и прочих национальных буржуазных движений (это не исключает гипотетическую возможность перехода на сторону пролетарской революции лучших из уйгурских и др. мелкобуржуазных национал – революционеров). Пролетарской революции предстоит смести все границы, а не создавать новые. Если после пролетарской революции в Китае мировая буржуазия попытается отгородить от коллективистской заразы уйгурским буржуазным государством пролетариев Средней Азии и России, а тибетским буржуазным государством – пролетариев Индии, то задача Пролетарской армии Китая будет состоять в том, чтобы пройти до Ла – Манша, сметая все национальные границы и поднимая пролетариев всех стран на священную войну против капитала.

«Медленно, но неотвратимо в Китае созревает новый всеобщий кризис» (3, с. 148).

Многими своими чертами современный Китай напоминает царскую Россию, а современный китайский пролетариат – российский пролетариат 100 – летней давности.

Это бурно растущий молодой класс, подвергающийся безжалостной эксплуатации. Он лишен консерватизма и веры в вечность и незыблемость существующего миропорядка, т.к. увидел в своей не столь уж долгой жизни множество переворотов. (Крестьянин из глухой деревни, попавший на суперсовременный завод, психологически куда больше готов к мировому перевороту, который создаст новое небо и новую землю, чем потомственный рабочий, дед и отец которого, как и он сам, всю жизнь проработали на одном предприятии. Самая большая революционность у западноевропейского пролетариата была в 1831 – 1871гг., в период, когда рабочие – это вчерашние ремесленники, рабочие в первом поколении).

Китайский пролетариат все еще тесно связан с деревней, с крестьянством. Мигранты из деревень составляют 120 млн человек (3, с.207). В 1994г. 130,5 млн человек работали на т.н. «поселковых предприятиях» в деревне (15, с.240), заработная плата на которых составляет всего лишь 30% от заработной платы в городах (3, с.158). Это дает возможность соединить пролетарскую революцию с крестьянской войной против чиновника и кулака.

Подвергающийся жестокой эксплуатации, живущий в переполненных казармах, китайский пролетариат не утратил еще старые общинные, коммунитарные традиции, на которые будут накладываться традиции пролетарской классовой борьбы.

Наконец - и это, может быть, самое важное - китайская буржуазия осуществляет свою власть в примитивно – топорных самодержавных формах, не создала еще такие неопределимые инструменты контроля за пролетариатом, как реформистские партии и профсоюзы.

Грядущая китайская пролетарская революция, во многом походя на Октябрьскую революцию, неминуемо пойдет дальше ее. Если Октябрьская революция не могла выйти за пределы капитализма, то китайская пролетарская революция, напротив, не может не выйти за эти пределы. Для решения проблем современного Китая (хотя бы проблемы 600 – 700 млн избыточного сельского населения) требуется сломать капиталистическую систему с господствующими в ней принципами экономической рентабельности и национальной государственности. Чтобы осуществить этот слом, китайская пролетарская революция должна превратиться в мировую.

Мы – фаталисты по отношению к известному прошлому, но не к неизвестному будущему. Однозначно можно предсказать, что Китаю в обозримое время предстоят великие кризисы, катастрофы и катаклизмы, но исход их будет зависеть от борьбы классов и партий. При этом только пролетариат является классом, способным реорганизовать на новых началах все человечество, включая и его китайскую часть. Если пролетариат не появится в эту эпоху катастроф как класс, способный установить свою диктатуру, то потрясения и катаклизмы в Китае повлекут за собой явления, по сравнению с которыми даже ужасы, сопровождавшие распад СССР и Югославии, будут выглядеть почти что кроткой идиллией.

Мы ничего не знаем о современном состоянии сознательно – коммунистического движения в Китае, о существовании там марксистских кружков и групп. Но общие законы общественного развития не знают исключений, и подобные кружки и группы не могут не существовать даже под дамокловым мечом полицейского террора. Передовым представителям китайского пролетариата предстоит извлекать уроки из прошлого, вести борьбу в настоящем и готовиться к будущему. На этом пути их ждут огромные трудности, испытания и огромные жертвы. Но дело прочно, когда под ним струится кровь. Китайский пролетариат еще выдвинет своих пролетарских пэн баев, своих халтуриных и бабушкиных, лениных и троцких.

Революционное движение пролетариата в 19 веке началось на западе европейского континента – в Англии и Франции. Затем его центр тяжести переместился на восток – в Россию. В период воцарившейся затем на десятилетия реакции крот революции зарылся глубоко под землю. Может быть, он появится из – под нее еще дальше на востоке – Китае, и мировая коллективистская пролетарская революция начнет свой победный марш с китайской территории, пока, после грандиозной всемирной борьбы, не дойдет до самого крайнего востока и самого дальнего запада, пока не охватит самый центр мировой капиталистической системы – территорию США, что и будет означать конец этой чудовищной общественной системы и начало подлинно человеческой истории?

*Марлен Инсаров.
Январь – февраль 2003г.*

Цитированная литература

1. Г.Н. Акатова. Рабочее движение в гоминьдановском Китае. 1927 – 1937гг. М., 1983.
2. В.Б. Воронцов. Судьба китайского Бонапарта. М., 1989.
3. Ю.М. Галенович. Прав ли Дэн Сяопин, или китайские инакомыслящие на пороге XXI века. М., 2000.
- 3а. Б.М. Гунько. Китай: под красным флагом вперед к ...капитализму.// «Мысль», №17 (220), 2002.
4. Л.П. Делюсин. Аграрно – крестьянский вопрос в политике КПК (1921 – 1928). М., 1972.
5. Л.П. Делюсин, А. С. Костяева. Революция 1925 – 1927 годов в Китае: проблемы и оценки. М., 1985.
6. В.П. Илюшечкин. Крестьянская война тайпинов. М., 1967.
7. Г. Исаакс. Трагедия китайской революции. www.left-dis.nl/
8. История современной китайской революции, под редакцией Хэ Гань – чжи, М., 1959.
9. Капитализм на исходе столетия. М., 1987.
10. Китай на пути модернизации и реформ. М, 1999.

11. В.А. Кривцов, В.А. Краснова. Ли Дачжао. От революционного демократизма к марксизму – ленинизму. М., 1978.
12. Б.Т. Кулик. Советско – китайский раскол: причины и последствия. М., 2000.
13. В.И. Ленин. Демократия и народничество в Китае. // ПСС, т.21
14. Ли Дачжао. Избранные произведения. М., 1989.
15. Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа. М., 2001.
16. И.М. Малевич. Внимание, Китай. Минск, 2000.
17. А.М. Малухин. Китайское крестьянство в революции 1925 – 1927гг.
18. А.М. Малухин. Пэн Бай – герой китайской революции. М., 1975.
19. К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. // Сочинения, т.3.
20. А.В. Меликсетов. Социально – экономическая политика гоминьдана (1927 – 1949). М., 1977.
21. И. Н. Наумов. Стратегия экономического развития КНР в 1996 – 2020 гг. и проблемы ее реализации. М., 2001.
22. Новая история стран Азии и Африки. М, 1982.
23. А.В. Панцов. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 1920-1940-х годов. М., 1985.
24. Э.П. Пивоварова. Социализм с китайской спецификой: итоги теоретического и практического поиска.
25. Революция 1925 – 1927 годов в Китае. Сборник статей. М., 1978.
26. Г. Сафаров. Очерки по истории Китая. М., 1933.
27. А.В. Семенов. Ляо Чжункай. Политическая деятельность китайского революционера. М., 1985.
28. В.Я. Сидихменов. Китай: страницы прошлого. Смоленск, 2000
29. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М., 1985.
30. С.Л. Тихвинский. Завещание китайского революционера. М., 1986.
31. Дж. М. Тревельян. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002.
32. Л.Д. Троцкий. Перманентная революция. Издательство “Iskra Research”, Cambridge (MA), б.г.
33. Цюй Цюбо. Публицистика разных лет. М., 1979.
34. Ж. Шэно. Китайское рабочее движение в 1919 – 1927гг. М., 1969.
35. P. Broué. Histoire de l’Internationale Communiste. 1919 – 1943. P., 1997.

36. P. Brown. The rise and suppression of the
“ultra – left” in the Chinese cultural revolution. www.comunistvoice.org
37. Cahiers Leon Trotsky, N 15, sept. 1983.
38. R. Evans. Exploitation in China// “Workers’
liberty”, vol.2, N2
39. P. Hampton. China and independent working
class politics// “Workers’ liberty”, vol.2, N1.
40. “Lutte de classes en Chine”// “Le
Proletaire”,N 463, aout – sept. 2002
41. K. Mavrakis. On trotskyism. Problems of
theory and history. London – Boston, 1976.
42. Zheng Chaolin. Chen Duxiu and the
Trotskyists. www.left-dis.nl/